

eISSN 2311-2468
Том 9, № 3. 2021
Vol. 9, no. 3. 2021

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ЕРШОВА Н. И., ИБАДУЛЛАЕВА Л. Н.

**СИНОНИМИЯ В ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЯХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ**

Аннотация. В статье представлена лексико-семантическая характеристика наименований домашних животных в русских говорах Мордовии. Рассмотрены синонимические ряды, представленные анализируемыми наименованиями. Особое внимание уделяется выявлению специфики явления синонимии в диалекте по сравнению с русским литературным языком.

Ключевые слова: диалектная лексика, домашние животные, лексико-семантические связи, синонимия, синонимический ряд, имя существительное.

ERSHOVA N. I., IBADULLAYEVA L. N.

**SYNONYMY IN DIALECT NAMES OF DOMESTIC ANIMALS
IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA**

Abstract. The article presents a lexical and semantic analysis of the names of domestic animals functioning in the Russian dialects of Mordovia. In this connection, the synonymic series represented by the analyzed names are considered. Special attention is paid to identifying the specifics of synonymy in the Russian dialects in comparison with the Russian literary language.

Keywords: dialect vocabulary, domestic animals, lexico-semantic relations, synonymy, synonymic series, noun.

Словарный состав диалекта представляет собой внутренне организованную совокупность элементов, связанных устойчивыми многосторонними отношениями. В более конкретном преломлении данные отношения проявляются в объединении слов по тематическим, лексико-семантическим группам и семантическим полям, в явлениях синонимии, антонимии, омонимии и полисемии, в родо-видовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики, в ее стилистической дифференциации и др. Следует подчеркнуть, что охватывающие всю диалектную лексику парадигматические отношения отчетливее всего проявляются в отдельных группировках лексического состава: тематических группах или лексико-семантических объединениях [6, с. 32].

Изучение парадигматических связей в русских народных говорах привлекает внимание многих диалектологов, причем, самым исследованным остается явление синонимии. Однако, несмотря на столь пристальный интерес к анализу синонимических отношений в составе диалектной лексики, ряд вопросов по-прежнему вызывает разногласия среди ученых и нуждается в дальнейшем исследовании. Так, до сих пор нет единой точки

зрения на явление диалектной синонимии и четкого определения диалектного синонима. В большинстве работ, посвященных диалектной лексике, синонимия не является предметом специального исследования и рассмотрение ее ограничивается простой констатацией фактов. Следовательно, изучение синонимических отношений между диалектными наименованиями домашних животных в русских говорах Мордовии представляется весьма актуальным.

Вслед за Л. И. Баранниковой, под диалектными синонимами мы понимаем «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [1, с. 102].

Названия домашних животных, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием. Их можно разделить на отдельные семантические группы, в рамках которых выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочленные синонимические ряды.

В рассматриваемых говорах синонимы могут различаться оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской. С учетом данных различий диалектные существительные, обозначающие домашних животных, можно разделить на следующие группы синонимов.

1. Абсолютные синонимы (дублиеты). Они не имеют ни семантических, ни стилистических различий. Так, абсолютными синонимами являются следующие диалектизмы: *бася*, *бяшка* и *кырячка* (= овца); *козичка* и *цыба* (= коза); *третьяк* и *трюлетка* (= трехгодовалый жеребенок) и др. Напр.: *Бася* у миня ф хливушке, а абъягниць, в ызбу вазьму (Горайновка, Кочкуровский район); Мы фчяра *бяшку* зарезьли, нъ пятнацць кил (Карпеловка, Торбеевский район); Сенца *кыряцкьм* пьтруси (Говорово, Старошайговский район).

Значительное количество абсолютных синонимов, представленных наименованиями домашних животных в русских говорах Мордовии, является одной из отличительных черт диалектной синонимии [3, с. 208].

2. Семантические синонимы. Они различаются оттенками значения. К семантическим синонимам можно отнести существительные со значением домашних животных типа *блудница* (= домашнее животное, не приученное к своему двору и отбивающееся от стада) и *хлыстуша* (= домашнее животное, не приученное к своему двору). Напр.: У дяди Симёнъ каровъ-тъ *блудницъ* – так з ботьльм ы ходит фсё летъ (Кайбичево, Краснослободский район); Ну у нас коровъ и *хлыстуша*, сама никогда домой ни придёт (Говорово, Старошайговский район).

Как видим, в лексическое значение диалектизмов *блудница* и *хлыстуша* составляют общие семы 'домашний', 'животное', 'не приученный', 'свой', 'двор'. Наряду с ними,

семантика существительного *блудница* содержит компоненты 'отбивающийся' и 'стадо', отсутствующие в диалектной лексеме *хлыстуша*.

3. Стилистические синонимы. Они характеризуются одинаковым лексическим значением, различаясь эмоционально-экспрессивной окраской. Так, сравним синонимичные наименования незрелых домашних животных типа *молочничек* – *молочник* (= детеныш домашнего животного, еще сосущий матку); *осенничек* – *осенник* (= ягненок, родившийся осенью); *поярочка* – *поярка* (= ягненок осеннего скота); *лонищачок* – *лонищак* (= годовалый жеребенок); *валушок* – *валух* (= кастрированный баран). Напр.: У Таньшы *молошничик* нъродилси, хорошнькый такой жъребёньк (Мичурино, Чамзинский район); Виш какой *малошник*-тъ у вас харошый, гождь растёт (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район). Как видим, первые члены указанных синонимических пар даются в «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР / Республики Мордовия» [5] с пометой «ум.-ласк.», вторые члены характеризуются нейтральной окраской.

Значительное количество уменьшительно-ласкательных образований, рассмотренных выше, в русских говорах Мордовии свидетельствует о заботливом, ласковом отношении диалектоносителей к детенышам домашних животных (см. [4, с. 402]).

Подчеркнем, что семантико-стилистических синонимов, различающихся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской, среди диалектных названий домашних животных в русских говорах Мордовии, по-видимому, не наблюдается.

По структуре среди диалектных синонимов-существительных со значением домашних животных выделяются следующие типы:

1. Однокорневые разноаффиксные синонимы, различающиеся суффиксами: *пыр-яка*, *пыр-ячка* и *пыр-ючка* (= бодливая корова); *чунь-ка* и *чун-ёк* (= поросенок); *осен-ник* и *осен-чук* (= ягненок, родившийся осенью); *ягн-ак* и *ягн-ок* (= ягненок); *стри-ган* и *стри-гун* (= двухгодовалый жеребенок).

Как видим, в русских говорах Мордовии, в отличие от литературного языка, хорошо развита словообразовательная синонимия. Однокоренных синонимов-названий домашних животных, различающихся префиксами, в исследуемых говорах не обнаружено.

2. Многочисленные разнокорневые синонимы: *блудница* и *хлыстуша* (= домашнее животное, не приученное к своему двору); *дромка* и *первак* (= корова, впервые отелившаяся); *солежонок*, *шенька* и *коняшка* (= жеребенок) и др.

Подчеркнем, что разнокорневых синонимов, представленных диалектными названиями домашних животных, в русских говорах Мордовии значительно больше, чем однокорневых (словообразовательных).

Синонимический ряд в диалектах, как и в литературном языке, образуют группы слов, связанные синонимическими отношениями. В него мы включаем слова с тождественным или близким значением, передающие сущность одного и того же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы. Принцип построения синонимического ряда основывается на различиях в семантике и эмоционально-экспрессивной окраске синонимов.

Названия домашних животных, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием. Их можно разделить на отдельные семантические группы, в рамках которых выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочленные синонимические ряды.

1. Наименования домашних животных с обобщенным значением. Они составляют два синонимических ряда. Первый ряд включает в себя абсолютные синонимы *полутор* и *полуторник*, выступающие в значении «полуторогодовалое животное». Напр.: У них тилёнък вон уш какой, *палутър*, навернь (Муравлянка, Ельниковский район); Восейки у меня *полутър* здох (Тарханы, Ичалковский район); Пригани *палутърникъ* ф канюшню (Красногорное, Чамзинский район); *Полутърник* у меня хороший нончъ (Куракино, Ардатовский район). Второй ряд составляют семантические синонимы *блудница* (= домашнее животное, не приученное к своему двору и отбивающееся от стада) и *хлыстуша* (= домашнее животное, не приученное к своему двору).

2. Наименования взрослых особей домашних животных: 1) названия коровы; 2) названия быка; 3) названия лошади; 4) названия овцы; 5) названия барана; 6) названия козы; 7) названия свиньи.

Данные подгруппы включают в себя многочленные и двучленные синонимические ряды абсолютных [*брыкуша*, *пыряка*, *пырючка*, *пырячка* (= бодливая корова)] и эмоционально-экспрессивных [*валун*, *валух*, *валушок* (= кастрированный баран)] синонимов либо вообще не вступают в синонимические отношения [*окся* (= свинья) и *крѣх* (= самец свиньи, хряк)]. Напр.: Токъ *вълуноф* въ дваре не-скълькъ былъ (Чеберчино, Дубенский район); *Валухъ* ф праздник ели, уш больнь фкусный был (Кулишейка, Рузаевский район); Аднаво *вълушка* прѣдала, уш больнь старинький он (Усыскино, Инсарский район).

3. Наименования детенышей домашних животных: 1) названия жеребят; 2) названия телят; 3) названия ягнят; 4) названия поросят; 5) названия козлят. В русских говорах Мордовии практически все члены данных подгрупп характеризуются исключительным богатством, образуя довольно многочисленные синонимические ряды. Напр., синонимический ряд со значением «годовалый жеребенок», включающий в себя абсолютные синонимы *лонцак*, *стриганок*, *стрижен*, по отношению к которым диалектизм *лонцачок* (с

пометой *ум.-ласк.*) выступает в качестве эмоционально-экспрессивного синонима. Напр.: Вон *лъницаку* первый рас ноги спутъли (Авгуры, Старошайговский район); Прошлым летъм у нас *стриганок* пропал ф колхози: одбился от матери и пропал (Мичурино, Чамзинский район); Хорош наш *стрижън* (Плужное, Краснослободский район); Летъсь купили *лъницичька* (Атемар, Лямбирский район).

4. Наименования животных и их детенышей, живущих при доме: 1) названия кошки; 2) названия собаки; 3) названия щенка. Подчеркнем, что синонимический ряд образуют только диалектизмы, обозначающие щенка: *кутёк, пащенок, собачонок*. Напр.: *Кутьки*-тъ сляпыя ща (Атемар, Лямбирский район); Ты этъвъ *пащёнкъ* ни бойси, он ласкъвый, ни укусит (Стародевичье, Ельниковский район); Ат саседий *събачонкъ* взяли, типерь вот у нас живет (Внуково, Кочкуровский район).

Следует отметить, что синонимия в русских говорах Мордовии тесно связана с полисемией. Дело в том, что многозначное существительное, входящее в рассматриваемую группу, в разных своих значениях может входить в различные синонимические ряды. Так, диалектное наименование *недоёнка* является членом двух синонимических рядов. В первом значении «молодая, еще не телившаяся корова» оно синонимично существительному *перетока*. Во втором значении «корова, дающая мало молока» лексема *недоёнка* является абсолютным синонимом диалектизма *циркушка*.

Некоторые существительные со значением домашних животных в русских говорах Мордовии представлены единичными лексемами и не связаны синонимическими отношениями, напр.: *козёлик* (= дитеныш козы). Наименования некоторых домашних животных, например, козла или котенка в исследуемых говорах, по-видимому, вообще не встречаются.

Как видим, в основу номинации кладутся наиболее значимые для диалектоносителя признаки и характерные действия животного, что и объясняет существование большого количества слов, называющих домашнее животное в русских говорах Мордовии и входящих в многочисленные синонимические ряды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. – Саратов, 1968. – Вып. 1. – С. 101–121.
2. Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 133 с.
3. Ершова Н. И. Типы диалектных синонимов – наименований домашних животных в русских говорах Мордовии // Развитие гуманитарной науки в регионах России : материалы

Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 207–209.

4. Мочалова Т. И. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. – СПб., 2010. – С. 397 – 403.

5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2-х ч. – СПб. : Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1–672. – Ч. 2. С. 673–1560.

6. Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика : сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1975. – С. 30–56.

ЕРМАКОВА М. В.

**РОМАН «ОБИТЕЛЬ» ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Аннотация. Целью исследования является анализ научных статей, посвященных роману «Обитель» Захара Прилепина. В ходе работы выявлена неоднозначность литературоведческих трактовок романа, охарактеризована проблематика его героя и жанра.

Ключевые слова: роман «Обитель», Захар Прилепин, лагерная проза, XX век, СЛОН, исторический роман, современная русская литература.

ERMAKOVA M. V.

**THE NOVEL "THE ABODE" BY ZAKHAR PRILEPIN
AS SUBJECT OF SCIENTIFIC REFLECTION**

Abstract. The aim of the study is to analyze scholarly articles devoted to the novel "The Abode" by Zakhar Prilepin. In the course of the work, the ambiguity of literary interpretations of the novel is revealed, the novel protagonist and genre are analyzed.

Keywords: Zakhar Prilepin, novel "The Abode", camp prose, XXth century, SSPC (Solovki Special Purpose Camp), historical novel, contemporary Russian literature.

Каждая эпоха обогащает литературную традицию, являя миру новых авторов. Так, XIX в. ассоциируется с такими именами, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. И. С. Тургенев, А. П. Чехов и др. В свою очередь, «золотой век» сменяется веком «серебряным», где поэзия преобладает над прозой. Если говорить о современном отечественном литературном пространстве, то «новый реализм» является преобладающим литературным течением. Однако, несмотря на степень её немалой изученности, неразрешенные вопросы всё же есть. Новое столетие в современной отечественной литературе ознаменовано появлением таких авторов как С. Шаргунов, Р. Сенчин, З. Прилепин др. Язык нового поколения писателей – явление своеобразное. Несмотря на оригинальность высказывания, есть нечто, объединяющее творчество вышеупомянутых писателей.

Захар Прилепин – современный русский писатель, уникальность которого заключается в осознанном позиционировании себя в пространстве русской литературной традиции и в закреплении за собой статуса ее продолжателя. Он русский писатель и в том смысле, что ему недостаточно только сочинительства, он претендует на роль идеолога эпохи, общественного деятеля.

Прилепин – писатель, имеющий чувство истории. Это чувство работает у него независимо от того, о чем он пишет, – о чеченской войне, о жизни провинциального города в недавние 90-е, о политической борьбе в постсоветской России, о заключенных в Соловецком лагере или о частном случае в жизни современной семьи. Способность чувствовать характер времени и воспринимать его в большом историческом контексте присутствуют в прозе Прилепина обязательно. Историю своего Отечества, и как писатель, и как гражданин, он постигает активно, творчески и ответственно.

Прилепин, будучи подвижен в выборе тем и жанров, постоянен в выборе героев и места их действия. Его герой пребывает в состоянии бесконечного поиска самого себя и в стремлении себя понять и обрести. Местом его терзаний и поисков определена Россия, «из которой пришел» и сам автор. Он боготворит Россию и любит своих героев.

Роман «Обитель», вышедший в 2014 году и переизданный в 2019, укладывается в систему исторических и творческих интересов писателя. С одной стороны, он включает новую тему в художественную систему Прилепина, с другой – продолжает художественный анализ российской исторической действительности. Перед читателем предстает новый прилепинский герой – заключенный Соловецкого лагеря особого назначения.

Отечественная литературная критика и читающая аудитория встретили новый роман Захара Прилепина восторженно, оценив его в диапазоне от шага для писателя в «большую литературу» до романа, в котором прослеживалась национальная история в чистом виде и «мгновенная классика».

Множество оценок и многочисленных трактовок романа, соразмерное его масштабу, опубликовано в статьях на страницах отечественных авторитетных изданий, таких как «Новый мир», «Афиша», «Meduza», «Литературная Россия». В положительном ключе немало о Прилепине писали П. Басинский, Ю. Щербинина, Д. Володихин, А. Проханов, Р. Сенчин, Д. Быков, Е. Шаронова, О. Сухих и др.

Д. Быков, отмечая некоторые недостатки романа в статье «Переплыва, переплыва!» акцентирует внимание на том, что писатель, безусловно, справился с задачей исключительной трудности. Присутствуют и абсолютно резкие оценки творчества писателя. Так, журналист «Литературной газеты» А. Кошелев в статье «И это – лучший роман? О, Боже!» свои размышления подытоживает так: «Если «Обитель» – это лучший роман 2014 года, то минувший год был очень скучным для русской литературы» [4].

Безусловно, творчество Захара Прилепина требует глубокого литературоведческого осмысления. На данный момент исследовательских работ по изучению художественного творчества писателя немало, однако данную тему до конца изученной назвать нельзя.

Научное осмысление романа «Обитель» построено на актуализации двух важных и взаимосвязанных аспектов – проблема героя и жанра.

Первой, кто предпринял попытку исследовать роман, считается О. С. Сухих, в статье «Роман З. Прилепина "Обитель" поэтика художественного эксперимента» (2015). Целью научного исследования является анализ сюжетно-композиционной структуры романа. Автор заостряет внимание на том, что роман носит экспериментальный характер. По мнению исследователя, эксперимент заключается в том, что реальность, описанная в книге Прилепиным, является художественной и фантастической.

В ходе подробного анализа романа «Обитель», Сухих обращает внимание на метод построения сюжета, подобный плутовскому роману, где используется принцип «синусоиды» и принцип «зеркальности». Принцип «зеркальности» впервые был выведен именно Сухих в данной статье. Данный метод представляет собой идею, в рамках которой каждый совершаемый поступок героем романа не пройдет впоследствии бесследно для него. Если обратиться к тексту романа, то принцип «зеркальности» подтверждает сцена убийства Артёмом своего отца и эпилог, где он является жертвой рук блатных. Важная особенность – внешний облик героев: и Артём, и его отец на момент убийства пребывали голыми: «Совершив зло, человек впоследствии становится жертвой подобного же зла со стороны других» [5]. Тот, кто вчера подвергался издевательствам и испытывал жуткий голод, уже сегодня оказывался изобретательным палачом, при возникшей возможности, конечно. А потом снова палач становится жертвой, и уже свои изощрённые пытки испытывает на себе. Именно в этом заключается новаторство статьи О. Сухих.

Проблематика героя и проблематика жанра – не единственное, что вызвало интерес исследователей, осмысляющих роман. Многие рассматривают произведение в контексте «лагерной прозы». Научная статья М. Голева «У нас власть не советская, у нас власть соловецкая» (2016), посвящена сопоставлению отражения лагерной темы на страницах романов А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и З. Прилепина «Обитель». По мнению автора, Прилепин, безусловно, опирался на опыт своего предшественника, он будто бы ведёт с ним «литературный диалог». Однако для каждого из авторов Соловки видятся по-разному. Лагерь, по Прилепину, обладает исключительно художественной образностью. У писателя нет собственного лагерного опыта – ни в роли заключенного, ни в роли надсмотрщика. У него есть только книжный опыт, который и позволил ему создать оригинальный образ Соловецкого лагеря особого назначения.

«В конечном итоге, для Солженицына Соловки – это место Советского парадокса, где соединяются формально озвученные гуманистические интенции и антигуманное,

бесчеловечное отношение к заключённым, а также это исток будущего ГУЛАГа. У Прилепина Соловки – это место исправления через покаяние. Писатель не ищет оправдания своим небезгрешным героям, не ищет оправдания русской истории, Соловкам. Литературный диалог Прилепина с Солженицыным свидетельствует о том, что в современной русской литературе лагерная тема ещё далеко не закрыта. Обращение к ней современных писателей позволяет ей приобрести новое звучание [2; 7]. Однако «Обитель» вполне может рассматриваться как новейшая вариация исторического романа [6].

Целью статьи Е. Кочетковой «Герои с «русской душой» в романе З. Прилепина "Обитель" Ф. М. Достоевского "Записки из Мёртвого дома"» (2016) является не описание ужасов лагерной жизни, а сопоставление образов главных героев романов. Любопытным оказалось не только схожее окружение и преступление, за которое они отбывают наказание, но и символическая схожесть фамилий главных героев Горянчиков и Горяинов. «Герои "Обители", казалось бы, похожи на героев А. Солженицына, пытающихся выжить любой ценой. Но нет. Шухов любой ценой – унижаясь, исхитряясь, – пытается спасти свое тело. Герой Солженицына – смирный, смилившийся. Герои Прилепина – смиренные, как Александр Петрович Горянчиков. Огромная разница» [3].

А. Большев в статье «Роман Захара Прилепина "Обитель" в контексте тюремно-лагерной прозы XX века» (2016) рассматривает возможные претексты романа «Обитель», относящиеся к тюремно-лагерной прозе прошлого столетия, а именно: «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Хранитель древности. Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Зона» С. Довлатова. Основная задача автора заключается в постижении духовного мира прилепинского героя через героев тюремной прозы, посредством изучения мотивных связей и ассоциативно-смысловых параллелей. Красной нитью через всё повествование проходит мысль о том, что лагерная тема, реанимированная Захаром Прилепиным в новейшей русской литературе, дана в романе совершенно оригинальным образом. Имея в виду своих предшественников, он, конечно, шел своим путем.

Кандидатская диссертация А. Малышевой «Клинический реализм» Захара Прилепина была посвящена изучению основных черт поэтики прозы Захара Прилепина. По мнению автора, роман «Обитель» является знаковым произведением в библиографии писателя, который по праву открыл новую веху в его художественном развитии.

Таким образом, прилепинский герой – не появившийся из ниоткуда литературный персонаж. Это герой, который родился в воображении писателя, в продолжение литературной династии героев Достоевского и Солженицына. Суммируя научные статьи, использованные в исследовании, можно сделать вывод о том, что роман «Обитель» Захара

Прилепина имеет много литературоведческих трактовок, непохожих друг на друга, что подталкивает на мысль о неподдельном интересе к творчеству писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большев А. О. Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной русской прозы XX века // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 129–138.
2. Голев М. «У нас власть не советская, у нас власть соловецкая» (специфика раскрытия лагерной темы в творчестве А. Солженицына и З. Прилепина) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zaharprilepin.ru/files/nauka/solovki.rtf (дата обращения 20.02.21).
3. Кочеткова Е. А. Герои с «русской душой» в романе З. Прилепина «Обитель» и Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. науч. тр.–2016. – С. 320–325.
4. Кошелев А. И это лучший русский роман? О, Боже [Электронный ресурс] // Литературная Россия. – 2015 – №6. – Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/7579-i-eto-luchshij-russkij-roman-o-bozhe/> (дата обращения 20.02.21).
5. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 297–304.
6. Шаронова Е.А., Шаронов А.М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019.– № 1. – С. 195–200.
7. Шаронова Е.А. Солженицынские контексты романа «Обитель» Захара Прилепина // Русский язык в контексте национальной культуры. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – С. 83–90.

ЕПИФАНОВА М. А., КАБАНОВА С. А.

**ЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
БОЛЕЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

Аннотация. В статье приводится классификация и анализ личных глагольных конструкций со значением болезненного состояния в диалектной русской речи на территории Мордовии. Объектом исследования являются глагольные формы-предикаты нездоровья в диалектной русской речи. Работа выполнена на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия».

Ключевые слова: боль, диалектная речь, личный глагол, болезненное состояние, глагольная конструкция, болевое ощущение, Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия.

EPIFANOVA M. A., KABANOVA S. A.

**PERSONAL VERB CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING
OF PAINFUL CONDITION IN DIALECT RUSSIAN SPEECH**

Abstract. The article presents the classification and analysis of personal verb constructions with the meaning of painful condition in the dialect Russian speech on the territory of the Republic of Mordovia. The object of the study is the predicates of ailment in the dialect Russian speech. The study is based on the material of "Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia".

Keywords: pain, dialect speech, personal verb, painful state, verb construction, pain sensation, Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia.

Одним из актуальных направлений исследований в сфере характеристики субъектных состояний является изучение нездоровья, или болезни, как состояния организма, проявляющегося в нарушении нормальной жизнедеятельности и сопровождаемого нарушением трудоспособности или ее полной или частичной утратой. Источником нашего исследования послужила диалектная речь; в лингвистике диалект рассматривается как *«местная или социальная разновидность языка»* [4, с. 388]. Обратившись к первой части данной дефиниции, а именно *местной* разновидности языка, будем считать *диалектной* речь людей, проживающих на определенной территории, обладающую фонетическими, лексическими и т. д. особенностями, отличными от литературной нормы. Рассматриваемая нами тема связана с антропоцентрической парадигмой в языке – любая оценка исходит от человека, в частности, оценка состояния как соответствующего или не соответствующего норме, то есть нездоровья.

Вторым важным для данной работы понятием является понятие боли. Данное понятие можно рассматривать в узком и широком смысле. В узком, прямом значении, это – физическое ощущение страдания. В более широком понимании к чисто физиологическому ощущению добавляется ещё и эмоциональный дискомфорт или же моральная неудовлетворённость: человек испытывает боль не физически, а *морально*, это уже чувство нравственного страдания, выведение горя на физический уровень: например, будучи абсолютно физически здоровым, человек испытывает боль в груди после смерти близкого человека.

С. И. Ожегов рассматривает боль как *ощущение страдания* [4, с. 57], иллюстрируя употребление данной лексемы сочетаниями *физическая боль* и *душевная боль*. Мы, вслед за ним, будем понимать его так же: в семантическое поле боли в нашем материале будут входить не только глаголы, называющие непосредственно болезненное состояние, но и слова других частей речи, номинирующие ощущение дискомфорта организма, то есть *нездоровья*.

Феномен боли изучается представителями разных наук с разных точек зрения, в частности, существует большое количество лингвистических исследований, посвящённых рассмотрению феномена боли и его номинации в разных языках мира: так, А. В. Гребнева в статье «Понятие о боли на русском, английском и французском языках» описывает концепт боли на базе русского, английского и французского языков: во французском языке основные предикаты боли – составные (2 основных + всё остальное); в русском – 5 групп глаголов, различающихся по характеру боли и по способу воздействия; в английском – 3 глагола с семантикой боли и много заимствований [1]. В. И. Коротина в диссертации о семантических типах предикатов состояния сосредотачивает внимание исключительно на английском языковом материале [3, с. 16]. Подобные исследования есть и на материале славянских языков: так, в статье С. А. Кабановой рассмотрены глаголы со значением болезненного состояния на материале сербского и русского языков; автор приходит к выводу о том, что в сравниваемых дальнеродственных языках болезненное состояние выражается, в основном, глаголами (кроме безлично-предикативных слов) [2]. Нам показалось интересным рассмотреть номинацию подобного состояния в диалектной речи, иллюстративный материал был извлечён путём сплошной выборки из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия»: так, было выявлено 29 личных глагольных конструкций со значением состояния нездоровья, причём один глагол (*можжать*) выступает как в личном, так безличном употреблении: *Ноги што-ть можжат, г дожжу што ль (Супод, Ар).* – ср. *Фчярась цэльный день мажжалъ ноги (Кул, Тенг)* [5, т. 4, с. 26].

Выбранный материал можно разделить на 2 большие группы:

1) глаголы со значением собственно нездоровья, которые можно сгруппировать в зависимости от наличия общего определенного смыслового компонента: так, сема ‘обусловленность болезненного состояния’ присуща глаголам *задряхлеть*, *разладиться*, *скляпнуть*, *лядеть*, *скомлеть*, выступающим в конструкциях, номинирующих нездоровье, вызванное внешними обстоятельствами, которые указаны предшествующим контекстом: *Платок накинъ, ветир какой. Зъдрахлеш ишиш (С Фёд, СШ) [5, т. 2, с. 97]. Старухъ нашъ пръстудилъсь и скляпиль (Пот Сл, Инс) [5, т. 9, с. 52]. Тепли удёвайсь, простудиссь, будиши скомлеть (Ред, Ар) [5, т. 9, с. 57].*

Глаголы *разладиться*, *сдрейфить* и *сизнуть* имеют общий семантический компонент ‘становление состояния нездоровья, переход от нормального состояния к болезненному’: *Как сыночик умир, я сразу сизнуль (Стр Сл, Руз). Ср. сдрейфить. [5, т. 9, с. 40]. Она уш софсем здрейфиль, скоръ помрёт (Бер Сыр, Ич). Ср. сизнуть. [5, т. 9, с. 23].*

Глаголы *киснуть*, *мозгнуть*, *жёлкнуть*, *похикать* содержат общую сему ‘нахождение в состоянии нездоровья в течение некоторого временного отрезка’, причём в первых трех случаях случае это продолжительный временной отрезок, в последнем – неопределенный период времени, ср.: *Што старухъ-тъ у тибя? – Дъ мозгнил другой гот: ни луччи и ни хужы (Кулиш, Руз) [5, т. 4, с. 26]. – Он иё избил сильнъ, ана пахикълъ, пахикълъ, и пъмирла (Ям Инс) [5, т.7, с. 103].*

Глаголы *ханжиться* и *хизнуть* содержат сему ‘ощущение нездоровья’: *Плохая у ёво здоровья-тъ, он давно уш ханжыт (Гор, БИ) [5, т. 12, с. 9]. Он хизнит, а миня пазвали вместъ лекъря (Старод, Е) [5, т.12, с. 15].*

Глаголы *распериться*, *растележиться*, *скоптнуться*, *лежать* имеют общую сему ‘высокая степень проявления нездоровья’: *Ты ръстележылси, видать, надолгъ (Ред, Ар) [5, т. 8, с. 41]. Сафсем скъпытнульсь дефкъ, чуть ходит (Чел М, Инс) [5, т. 9, с. 58].*

Глагол *измогаться* содержит сему ‘страдание’, причём называется фактор, провоцирующий данное ощущение как долговременное: *Мужык у миня больнъ измагацъ язвъй (С Ков, Тем) [5, т. 2, с. 159].*

Вторую группу представляют глаголы, номинирующие функциональные нарушения организма, связанные как с внешним воздействием, так и с внутренними факторами:

а) глаголы с исходным значением ‘наличие ноющей боли в части организма’ (обычно ноги или руки) (*мозжать*, *тосковать*, *натягивать*, *отзывать*): *Я, как чижало пъработъю, руки так таскуют, силох маих нет (Гр, Кр) [5, т.10, с. 44]. У миня што-тъ пъясницъ натягъвт, видать, прастыль (Пок, ЗП) [5, т. 5, с. 49];*

б) глаголы со значением ‘наличие давящей боли в части организма’ (*тушеваться*), причём налицо метафорическое употребление глагольной формы, как и обычном

повседневном употреблении глагола *сжиматься* в аналогичном контексте: *Дочинькъ мая фсё балет. Как гляну нъ ниё, аш серць тушуиць* (Сиал М, Инс) [5, т. 10, с. 66].

в) глаголы с семой 'приведение в болезненное состояние путём повреждения или длительного воздействия' (*изломить, убивать*): *Упаль ф погрип, руку **изломилъ**, в больницу попалъ* (Бут, Ам) [5, т. 2, с. 159].

Как показывает рассмотренный материал, признаки болезненного состояния могут передаваться синонимичными глаголами, ср. например, *ханжить* и *хизнуть*, а также *сдрейфить* и *сизнуть*. Глаголы, называющие состояние нездоровья, выступают обычно в сочетании с именными или местоименными формами, номинирующими носителя состояния; в случае характеристики болевого ощущения налицо сочетаемость с субстантивами-соматизмами. Указание на название конкретного заболевания, в основном, отсутствует – нам встретился пример с глаголом *измогаться* в сочетании с существительным *язва*. В процессе анализа словарных материалов нам не встретилось контекста с описанием жгущей или пекущей боли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гребнева А. В. Концепт боли в русском, английском и французском языках [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №5-1 (71). – С. 81–83. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-concept-of-pain-in-the-russian-english-and-french-languages> (дата обращения 03.02.2021).

2. Кабанова С. А. Глаголы со значением болезненного состояния индивида в сербском и русском языках [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №2 – С. 162–166. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/glagoly-so-znacheniem-bolezennogo-sostoyaniya-individa-v-serbskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения 02.02.2021).

3. Коротина В. И. Семантические типы предикатов состояния в английском языке : автореф. дис. канд. филол. наук // Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 16 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. – М., 1997 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 14 т. / Т. В. Михалева, Р. В. Семенова, Л. К. Чикина. – 2-е изд., доработанное. – СПб. : Наука, 2008. – Т. 2; Т. 4; Т. 5; Т. 7–10; Т. 12.

ЕРШОВА Н. И., ЯКОМАСКИНА А. О.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ**

Аннотация. В статье охарактеризованы словообразовательные особенности существительных со значением построек и их частей, функционирующих в русских говорах Мордовии. Определена специфика диалектного словопроизводства, выявлены основные способы образования диалектных названий растений, продуктивные и непродуктивные аффиксы.

Ключевые слова: способ словообразования, существительное, растение, говоры, литературный язык.

ERSHOVA N. I., YAKOMASKINA A. O.

**WORD FORMATION FEATURES OF PLANT NAMES
IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA**

Abstract. The article describes the word formation features of nouns with the meaning of buildings and their parts, functioning in the Russian dialects of Mordovia. The features of the Russian dialect word formation are determined. The main ways of forming the Russian dialect names of plants, productive and unproductive affixes are revealed.

Keywords: word formation, noun, plant, dialects, literary language.

Русский язык характеризуется значительной общностью в области словообразования. Она основана на наличии в словообразовательных системах русских говоров и литературного языка в основном одних и тех же словообразовательных типов, аффиксов и способов словообразования. Однако, несмотря на действие в диалектном словообразовании общерусских словообразовательных тенденций, можно выделить следующие особенности диалектного словопроизводства, которые заключаются:

– в наборе словообразовательных аффиксов, некоторые из которых относятся к уже непродуктивным в литературном языке (например, суффикс -ма, префикс у-), то есть здесь можно говорить о большей стабильности и статичности словообразовательной системы;

– в их семантическом наполнении и стремлении к конкретизации значения слова. Это ведет к тому, что слова литературного языка с отвлеченной, большей частью общей семантикой преобразуются на диалектной почве в лексические единицы с более узким абстрактным значением;

– в их более свободной сочетаемости с кругом основ, которые могут быть и литературными, и собственно диалектными;

– в особенностях сочетаемости морфем;
– в наличии большего количества словообразовательных вариантов;
– в наличии специфических аффиксов (например, суффиксов -кой, -ож, -машкой и др.).

– в тесной связи процесса образования новых слов по функционально-лексическим и словообразовательным моделям, что обусловлено устной формой бытования говоров, которая способствует широкому использованию функционально вычленяемых словообразовательных структур в качестве моделей построения новых слов [4, с. 14].

Данные особенности диалектного словопроизводства характерны и для существительных со значением растений, функционирующих в русских говорах Мордовии. Они являются предметом рассмотрения в данной статье. Исследование выполнено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [5].

Фитонимы, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием и обладают значительным информационным потенциалом [3]. Это связано с тем, что народная фитонимия – одна из самых древних микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурного освоения мира растений как части окружающей человека природы [1, с. 66].

В словообразовательном отношении рассматриваемые в данной статье диалектизмы-названия растений, можно разделить на два типа: производные и непроизводные, причем и те, и другие могут быть однословными и двусловными [2, с. 35].

Значительная часть однословных фитонимов образована лексико-семантическим способом. Перенос может осуществляться, когда у слова в результате изменения в смысловой стороне образуются новые значения:

КО'ШКА. 1. Растение *Bidens tripartita* L.; череда трехраздельная. Кошки-ть сколькок вырьслъ нъ гароди (Ишейки, Темниковский).

ЛА'ПКА. Растение *Agrimonia eupatoria* L.; репешок аптечный. Эх и сенъ хорошъ, адна лапкъ (Веденяпино, Теньгушевский).

Иногда растения получают названия от имен собственных:

АНИ'СЬКА. Растение *Carum carvi* L.; тмин обыкновенный. Пади сарви мне аниськи (Вярьвель, Атюрьевский).

МАТРЁНА. Растение *Carum Carvi* L.; тмин обыкновенный. Рабяты нарвут матрёны и йидят. Матрёна акрук двароф растёт (Полое, Ардатовский).

Название фитонима образуется также и от других наименований, первоначально указывающих на лицо:

МОРДО'ВКА. Растение *Carum carvi* L.; тмин обыкновенный. Етъ трава мардофкѣй нѣзыващѣ, иѣ рибитишки идят (Большая Пѣстровка, Ичалковский).

СОЛДА'ТИК. Растение *Dianthus deltoides* L.; гвоздика травянка. Солдатики тожѣ ф поли бывают (Редкодубѣе, Ардатовский).

Большая часть однословных названий растений образована морфологическим способом, с помощью его разновидностей. Наиболее часто встречается суффиксальный способ образования от основ существительных, прилагательных и глаголов. Самым продуктивным в образованиях от основ существительных является суффикс –ник: бабочник, грабельник, донник, дятельник, калачник, камышник, козульник, кукушник, мордвинник, морковник, мурыжник, огуречник, паперник, просвирник, рябиночник, татарник и др.

КАЛА'ЧНИК. Растение *Malva pusilla* Smith et Sow.; просвирник низкий. Калашник ф кажным гароди растѣт, вон и у нас пално калашнику (Черемис, Ковылкинский).

МОРКО'ШНИК. Растение *Euphorbia virgata* Waldst.; молочай прутьевидный. Маркошник визде рассѣт, и в рот яво ни бярут, атравицѣ можнѣ (Старая Фѣдоровка, Старошайговский).

ЩА'ВЕЛЬНИК. Растение *Rumex acetosa* L.; щавель кислый. Шшавильник, он пальзитильный, кислинькѣй. • Ф саду аткудѣ-тѣ шшавильник пѣвивилси (Константиновка, Ромодановский).

Менее продуктивными являются суффиксы: -овник: дудовник, дятловник, клещовник, коневник, лещовник, шаровник.

КЛЕЩО'ВНИК. Растение *Euonymus verrucosa* Scop.; бересклет бородавчатый. Пѣстаиш у клищѣвникѣ или прайдѣш, клещ абязатильнѣ прицѣпицѣ (Внуковка, Кочкуровский).

-атник: козулятник, конятник, лягушатник, мышатник.

МЫША'ТНИК. Растение *Tussilago farfara* L.; мать-и-мачеха. У нас каровѣ никак мышатник ни ест (Булгаково, Кочкуровский).

-к(а): куфелка, куфетка, сурепка, юнька.

СУРЕ'ПКА. Растение *Malva mauritiana* L.; просвирник мавританский. Сурепкѣ-тѣ визде растѣт (Павловка, Старошайговский).

В небольших группах слов выделяются суффиксы:

-овк(а):

КОНЁВКА. Растение *Rumex acetosa* L.; щавель кислый. Шшы ис конѣфки варим (Большая Пѣстровка, Ичалковский).

-иг(а):

ЧЕМЕРИ'ТА. Растение *Matricaria matricarioides* (Less.) Porter; ромашка пахучая.

А вдоль поряткь-ть чьмеригъ растёт (Мичурино, Чамзинский).

-уш(а):

РАКУ'ША. Растение *Rumex crispus* L.; щавель курчавый. Ракушу куры больнь любят, надъ бы сходить зъ реку за ей. Да, ракушъ ана нъ гричыху похожъ маненькъ, ф Паповъм враги пално ие. (Новая Федоровка, Старошайговский).

-ельник:

ДЕРБЕ'ЛЬНИК. Растение *Cichorium intybus* L.; цикорий обыкновенный. Где ана стокъ кормъ нъбирёцъ? – Калякът, пръбивацъ. – Дъ где пръбивацъ, адны санки токъ и купиль-ть и па осини хадишь дирбельник рвала, а яво нямногъ нарвёсси (Старая Фёдоровка, Старошайговский).

-ошник:

ПРОСВИ'РОШНИК. Растение *Malva mauritiana* L.; просвирник мавританский. Прасвершникъ-ть много зъ сялом растёт. В вайну-ть и прасвершник ели (Енгальчево, Дубенский).

В единичных образованиях выделяется большое количество различных суффиксов:

-ок:

ПОЛЫНО'К. 1. Растение *Achillea millefolium* L.; тысячелистник обыкновенный. Фчяра хадишь събирать пылынок. Пылынок – лечебнь трава (Марьяновка, Большеберезниковский).

-як(а):

БУДЯ'КА. Колючее сорное растение чертополох. У миня уш ы сил нет будяку скасить фкруг домъ. • Кошкъ фсех катят пиритаскаль в будяку (Куликово, Теньгушевский).

-ег(а):

КА'ЛЕГА. Растение клюква и ягоды этого растения. Вицор пално лукошкъ калиги нъбрала, ужо кисель будит хорош ис калиги-ть (Новоямская Слобода, Ельниковский).

-ыг(а):

МУРЫ'ГА. Растение *Polygonum aviculare* L.; горец птичий. Мурыги у нас большы фсиво, ана визде растёт (Стрелецкая Слобода, Рузаевский).

-ова(а):

КОНЁ'ВА. Растение *Rumex confertus* Willd.; щавель густой, или конский. Канёву ели, тель прямъ лёгкъ быть (Ключарево, Рузаевский). Ср. **конев.**

-ачк(а):

ГЛАЗНА'ЧКА. Растение *Myosotis* L.; незабудка. В овраги глаз-нацки-ть растут (Говорово, Старошайговский).

-инок:

ГУСИ'НОК. Растение *Carum Carvi* L.; тмин обыкновенный. Растёт гусиньк нъ городи, нъ лугах, цвет белый, а сам зелёный, бываль ели их. Дъ вон нъ городи скокъ гусиньк растёт (Пичеуры, Чамзинский).

В фитонимах, образованных от имен прилагательных, наиболее продуктивными являются суффиксы: -к(а) и -ик(а): дремучка, жгучка, медлянка, пороснянка.

ДРЕМУ'ЧКА. Растение *Viscaria vulgaris* Bernh.; смолка обыкновенная. А ищё мы в дефкъх дримущку хадили събирать, уш больна ани красивыи (Новые Русские Пошаты, Ельниковский).

-ик(а): оржаник, позника, просяник, толстик.

ТОЛСТИ'К. Растение *Echinochloa crusgalli* (L.) Beauv.; ежовник обыкновенный. Тълстик как либида, толькъ листки пабольшъ, пашырь, да бастыль патолщъ (Енгальчево, Дубенский).

Реже встречаются образования с суффиксами:

-иг(а):

БРУСНИ'ГА. Травянистое растение брусника и ее ягоды. С лукошкъм, с корзинъй ходим зъ бруснигъй (Большие Поляны, Ардатовский).

-иц(а):

ЧИСТИ'ЦА. Растение *Chelidonium majus* L.; чистотел большой. Вот чистицы нървала, сушу. Ана пальзитильна (Челмодеевский Майдан, Инсарский).

-ичк(а):

КИСЛИ'ЧКА. Растение *Rumex acetosa* L.; щавель кислый. Глижу, ф супу зелинь кака-тъ плавыт. Этъ кислицкъ, звать. (Старая Фёдоровка, Старошайговский).

-ушк(а):

ДИКУ'ШКА. 1. Растение *Barbarea vulgaris* R. Br.; сурепка обыкновенная. Ни видалъ дикушку? Цвитки у ей жолтыи, а патом стручки будут (Старая Михайловка, Ромодановский).

В единичных образованиях встречаются суффиксы:

-ух(а):

ЧИ'СТУХА. Растение *Chelidonium tajas* L.; чистотел большой. Чистуху и гуси клюют (Киржеманы, Большеигнатовский).

-онк(а):

ДИКО'НКА. Растение *Bunias orientalis* L.; свербига восточная. У нас диконки многъ растёт. Ръбятишки-тъ диконку любят (Новая Александровка, Большеигнатовский).

-ятк(и):

КИСЛЯТКИ. Растение *Rumex acetosa* L.; щавель кислый. Кислятики растут ф сырых местах, кислыи такеи, их едят (Большая Пёстровка, Ичалковский). Ср. **кислятка**.

-яшк(а):

КУДРЯШКА. 1. Растение *Equisetum arvense* L.; хвоц полевой. У нас кудряшкъ визде растёт (Петровка, Большеберезниковский).

-ецок:

МОКРЕЦО'К. Растение *Stellaria media* (L.) Vill.; звездчатка средняя, или мокрица. Адин мькрицок у нас в этъм гаду: дажжей многоъ (Марьяновка, Большеберезниковский).

-инчик:

МОЛОДИ'НЧИК. Растение *Gagea lutea* (L.) Ker-Gawl.; гусиный лук желтый. Ф стрелкъх у нас мьлодинчики растут (Киржеманы, Большеигнатовский).

Суффиксальных образований от глагольных основ значительно меньше, но больше, чем в литературном языке. Наиболее часто встречается суффикс -ик(а): бесика, бзника, ажевика, песика, цапика.

БЕСИ'КА. Растение *Hyoscyamus niger* L.; белена черная. Бесикъ иль билёна – фсё одно (Большая Пёстровка, Ичалковский).

В небольших группах выделяются суффиксы:

-иг(а):

БЗНИ'ГА. Растение *Solanum nigrum* L.; паслен черный. Как марос, то бзнигъ слаткъя становицъ (Нижняя Верченка, Старошайговский).

-альник:

КУПА'ЛЬНИК. Растение *Nuphar lutea* (L.) Sibth. et Smith.; кубышка желтая. Этът цвиток жолтый мы купальникъм завём (Кочуново, Ромодановский).

В единичных образованиях выделяется большое количество различных суффиксов:

-анк:

МОТА'НКИ. Растение *Carum Carvi* L.; тмин обыкновенный. Ат ветръ матанки пакачивъли галофкъми, как буттъ кланялись нам (Еникеевка, Рузаевский).

-унец:

ЩЕЛКУНЕ'Ц. 1. Растение *Silene cucubalus* Wib.; смолевка обыкновенная. Щилкунец у нас ф поли растёт (Яковщина, Рузаевский). Щилкунцы аб лоп стукниш, ани щёлкнут (Решетино, Торбеевский).

На долю остальных способов образования приходится незначительное количество названий растений. Префиксально-суффиксальным способом они образуются в основном от основ существительных с помощью следующих компонентов:

При-...-ник:

ПРИДОРО'ЖНИК. 1. *Растение Polygonum aviculare L.; горец птичий.* Вакрук дома, пь дароги растёт придарожник (Кулишейка, Рузаевский).

2. *Растение Plantago media L.; подорожник средний.* Листьи у придарожникъ полезны. В аптеку их здают (Большие Поляны, Ардатовский)..

Пере-...-ник:

ПЕРЕДОРО'ЖНИК. *Растение Plantago media L.; подорожник средний.* А этъ пиридарожник. Пиридарожник у дароги растёт (Марьяновка, Большеберезниковский).

На-...-очник:

НАПА'ЛОЧНИК. *Растение Typha latifolia L.; рогоз широколистный.* Цаво вы напальшник-тъ в вазу пьсnavили? – Ни пьнимаш ты, бабъ, ницаво, красивъ. – Ну уш, кабы цвяток, а то напальшник (Старая Фёдоровка, Старошайговский).

О-...-ек:

ОЛА'НДЫШЕК. *Растение Convallaria majalis L.; ландыш майский.* Аландышки ишшо ни рьспустились, ранъ (Внуковка, Кочкуровский).

Не-...-ощ:

НЕ'ХВОРОЩ. *Растение Artemisia ablinthium L.; полынь горькая.* Надъ нехвърьща набрать и ацстаять иво, и пить (Кулишейка, Рузаевский).

Некоторые названия образованы с помощью разновидностей сложения:

1) сложением основ: гордобой, дикоредька, жероба, жеробой, звероба, кистоцвет, краснопер, курослеп, острада, сверьба, свироба, сыробой, чернобыль.

ДИКОРЕ'ДЬКА. *Растение Bunias orientalis L.; свербига восточная.* В нашъм враги пално дикаретьки растёт. И шшас рьбитишки туды ходют зъ дикаретькый-тъ (Шаверки, Краснослободский).

КРАСНОПЁР. *Растение Amaranthus retroflexus L.; щирица колосистая.* Усадьбы зьлужащъ стали этим крьснапёръм (Авгуры, Старошайговский).

2) сложением основ с одновременным прибавлением суффикса (сложносуффиксальным способом): белоголовец, белоголовник краснокорник, курослепник, красноперка, мышидник, простоволосник, столетник.

ПРОСТОВОЛО'СНИК. *Растение Nardus stricta L.; белоус торчащий.* Пыррей и прьстъявалосник у нас вмести стагуют (Старая Фёдоровка, Старошайговский).

СТОЛЕ'ТНИК. *Растение Achillea millefolium L.; тысячели-стник обыкновенный.* Надъ атвар ей здельть ис сталетникъ. – Ис чаво? – Ну ис сталетникъ, па-нашъму, а пь-уцонъму – тысицылислик (Старая Фёдоровка, Старошайговский).

Другие фитонимы имеют непроеизводную основу: гуга, дигель, дипель, хопер и др.

ХОПЁР. *Укроп.* Хапёр душистый. Для салений хапёр гадищъ. • Для зимы хапёр сушыль (Решетино, Торбеевский).

ЧЁМБР. *Растение Mentha arvensis L.; мята полевая.* На Троицу в доми чёмбр на пыл стелют (Алексеевка, Темниковский).

Таким образом, в диалектном словообразовании на примере названий растений можно выделить, помимо непроеводных слов, дериваты, образованные такими способами, как: 1) морфологический (суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, сложно-суффиксальный), посредством которого образуются диалектные имена существительные как от основ литературных слов, так и диалектных; 2) лексико-семантический. Доминирующим способом образования диалектизмов является морфологический, суффиксальная его разновидность., сложение же представлено несколькими примерами. У незначительного количества диалектизмов невозможно на настоящем этапе изучения русских говоров Мордовии установить производящую основу, что позволяет их отнести к разряду непроеводных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 133 с.
2. Головина Э. Д. О некоторых особенностях диалектного слово- образования (по материалам говоров Кировской области) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сб. ст. – Новосибирск, 1972. – С. 34–41.
3. Ершова Н. И. Наименования растений как фрагмент диалектной картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2011. – С. 224–230.
4. Новикова Е. И. К вопросу о региональном словообразовании // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. – Петрозаводск, 1976. – С. 13–20.
5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2-х ч. – СПб. : Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1–672. – Ч. 2. С. 673–1560.

КОЗЛОВА Н. А.

ОБРАЗ В. С. ВЫСОЦКОГО В КНИГЕ В. И. НОВИКОВА «ВЫСОЦКИЙ»

Аннотация. В статье рассматривается образ В. Высоцкого в рецепции литературоведа В. И. Новикова. В ходе исследования выявлены характерные черты, присущие человеку и поэту Владимиру Высоцкому, по мнению его биографа В. И. Новикова.

Ключевые слова: русская литература, Владимир Высоцкий, мотив, образ, художественное своеобразие, творчество, поэтическое мировидение.

KOZLOVA N. A.

THE IMAGE OF V. S. VYSOTSKY IN V. I. NOVIKOV'S BOOK "VYSOTSKY"

Abstract. The article examines the image of V. Vysotsky in the reception of the literary critic V. I. Novikov. The study reveals the main features inherent to the Russian poet Vladimir Vysotsky. It is concluded that the poet is a rather multifaceted personality, whose poetry is difficult to understand at the first reading.

Keywords: Russian literature, Vladimir Vysotsky, motive, image, poet, personality.

В. Высоцкий – видный деятель русской культуры второй половины 60-70-х годов XX века. Записи его песен расходились миллионными тиражами, каждая театральная постановка и фильм, в которых участвовал В. С. Высоцкий, имели огромную популярность, а написанная им музыка исполнялась во многих советских фильмах. Не будет преувеличением сказать, что В. Высоцкий еще при жизни стал легендой для большинства советских людей. Поэт надеялся на то, что его стихи тоже будут когда-нибудь опубликованы: *«А все равно меня будут печатать! Хоть после смерти, но будут»* [2, с. 14].

В июле 1980 года поэта не стало. Скоропостижный уход из жизни сделал его еще более популярным. Постепенно стало формироваться и «высоцковедение». Свое начало оно берет с сообщения в «Литературной газете» от 19 марта 1986 года о решении секретариата правления Союза писателей СССР утвердить комиссию по литературному наследию В.С. Высоцкого под председательством Роберта Рождественского.

В. А. Гавриков в своей статье подчеркивает: *«В 1990 г. защищена первая диссертация, в заголовке которой упоминается имя В. С. Высоцкого. Это труд С.С. Бирюковой: «Б. Окуджава, В. Высоцкий и традиции авторской песни на эстраде». Тогда же, уже более 30 лет назад, был издан первый научный сборник, посвященный творчеству Высоцкого («В.С. Высоцкий: исследования и материалы»). Он стал итогом первой высокоцковедческой конференции: чтений «Поэзия и правда Владимира Высоцкого», проведенных в феврале 1988 г. в Воронежском государственном университете. Там же, в*

Воронеже, в 1991 г. увидела свет первая научная монография о поэте, созданная совместными усилиями А.В. Скобелева и С. М. Шаулова: «Владимир Высоцкий: Мир и Слово». Затем поток научных исследований, главным образом филологических, нарастал лавинообразно» [3, с. 5].

В том же году В. И. Новиков издал книгу «В союзе писателей не состоял: Писатель Владимир Высоцкий», а в 2000-е гг. вышла в свет его монография о жизни и творчестве В.С. Высоцкого в целом. Книга В. И. Новикова «Владимир Высоцкий», напечатанная в серии ЖЗЛ в 2002 году, и с тех пор не раз переизданная, на сегодняшний день является одной из лучших книг, посвященных личности и творчеству поэта. Кроме того, по мере перепечатывания книга исправлялась и дополнялась. На наш взгляд, сегодня это самая полная и самая качественная, не только по охвату материала, но и по глубине понимания эпохи, биография В. С. Высоцкого. Примечателен тот факт, что, когда В. Новиков комментирует творчество поэта, он часто делает это более корректно и изящно, чем другие исследователи поэтики Высоцкого.

Говоря о жанре своего труда, автор подчеркивает *«...Я выбрал форму беллетризованного повествования, основанного, однако, исключительно на реальных фактах и свидетельствах. Эту книгу я воспринимаю как роман, написанный в соавторстве с Высоцким, поскольку сюжет своей судьбы он, следуя пушкинскому принципу “самостоянья”, сумел выстроить вопреки социально-политическим обстоятельствам. Неотъемлемой частью этого “романа жизни” стали и песни Высоцкого – как единое целое, как законченный образ мироздания...»* [1, с. 15].

В. С. Высоцкий в книге В. И. Новикова подается как культурный феномен, как художник, творческое наследие которого синкретично и многослойно.

В своем труде литературовед воспринимает В. С. Высоцкого как художника слова, чье поэтическое творчество художественно состоятельно и колоритно. Автор книги дает высокую оценку языковой оригинальности В.С. Высоцкого. Исследователь рассматривает его поэзию как живое явление языка, а не искажение классических канонов литературы.

Очевидно, исследователь считает его полистилистом, причем настолько уникальным, что у него не может быть последователей в современной поэзии. Путь, по которому шел В. С. Высоцкий, был только его путем, а другие пусть ищут свой. Он был единственным в своем роде, подражать ему невозможно, а тот, кто пробует делать это, ошибается.

Для многих советских людей В. С. Высоцкий был самым настоящим героем, народным героем. Он являлся человеком, который, несмотря на свою известность и популярность, оставался «всемирным Володей».

В поэзии В. С. Высоцкий выразил свою жизненную и творческую позицию. В частности, в стихотворении-песне «Иноходец» он говорит:

*Но наездник мой всегда на мне, -
Стременами лупит мне под дых.
Я согласен бегать в табуне,
Но не под седлом и без узды!* [2, с. 111]

В. С. Высоцкий ищет в образе условие конфликта, противопоставляет коня и седока. Седок, "жокей" становится воплощением жестокой и бесчеловечной силы. А конь рожден свободным, ему бы бегать «не под седлом и без узды!». В обстоятельствах некоего плена, отсутствия абсолютной свободы от официальных обязательств, от давления государственной машины, лирический герой Высоцкого не может реализовать свой потенциал.

Высоцкий в рецепции народа был тем, кто «говорит правду». Для поэта не существовало запретных тем. Он безбоязненно, с вызывающей у многих завистью писал и пел обо всём, что его волновало: литература, история, Библия, фольклор, спорт, море, горы, война, преступный мир. В его репертуаре все произведения построены на остром конфликте, через который он выражал людские мысли и чаяния. Особенно это ощутимо в «Песне про уголовный кодекс»:

*Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про все мы знаем, про все, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.*

В каждом слове этого произведения звучат сразу два голоса – персонажа и автора. Первый думает об участии своих дружков, второй – о судьбе всего народа, первый перебирает статьи кодекса, второй окидывает мысленным взором весь опыт мировой литературы:

*Вы вдумайтесь в простые эти строки, –
Что нам романы всех веков и стран!
Здесь есть бараки, длинные, как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...* [2, с. 213]

В. И. Новиков отмечает, что В. С. Высоцкий находит точку пересечения между высокой литературой и жизнью простых людей, а для этого нужна особая смелость – смелость простоты. Образцом такой простоты и стала для него блатная песня, в которой он ищет остроту конфликта, беспощадную правду человеческих отношений.

В произведениях В. С. Высоцкого лирический герой всегда демонстрируется в разных амплуа и достаточно противоречив. С одной стороны, он может горы свернуть, во что бы то ни стало ему важно достигнуть цели, а с другой – он надломлен и разбит, его переполняет

отчаяние. Однако каждое стихотворение поэта наполнено глубоким смыслом и откликается на события общественной жизни.

В своем творчестве он часто использует такие приемы, как аллегория, гротеск, каламбур. Он создавал стихи-роли, вживаясь в образы не только других людей, но и животных, и даже объектов неживой природы. Одной из лучших песен считается «Охота на волков». В них слышится тревога о судьбе тех, кто гоним несправедливым большинством:

*Идет охота на волков, идет охота –
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат охотники, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков [2, с. 71].*

По мнению биографа, заключительный этап жизни В. С. Высоцкого наиболее трагичен. Поэта мучает состояние безысходности, он часто обращается к алкоголю и наркотикам. Последнюю точку поставило постижение бессмысленности попыток обратиться к широкой аудитории: послушают, уйдут – и все по-прежнему, «все не так, как надо». В своем последнем стихотворении поэт пишет:

*И снизу лед и сверху – маюсь между, –
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно – всплыть и не терять надежду,
А там – за дело в ожиданье виз.*

Произведение наполнено трагическими переживаниями лирического героя. Но вера в лучшее не покидала его до конца жизни – «всплыть и не терять надежду». Завершается стихотворение упоминанием бога – отчетливый признак духовного одиночества, готовности к смерти. Больше апеллировать было не к кому и не к чему:

*Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне будет чем ответить перед Ним. [2, с. 261]*

Ключевыми качествами поэта, по мнению В. И. Новикова, были правдивость, гражданское мужество и то глубокое единение с народной душой, которое позволяет назвать демократизм важнейшей чертой его творческого и общественного облика. Именно благодаря этой черте В.С. Высоцкий является абсолютным чемпионом прижизненной популярности среди поэтов всех времен и народов. Чтобы по достоинству оценить, насколько глубоко его творческое наследие, нужно умение с разных сторон взглянуть на эту многогранную личность. В. С. Высоцкий представлен в книге «Высоцкий» как сложный художник, с оригинальным стилем, с уникальным поэтическим языком, но прежде всего он показан как творец, не способный не создавать, как человек с распахнутым сердцем, с исполненной страданием душой непризнанного поэта. Из книги мы понимаем, что, будучи

востребованным артистом театра и кино, популярным бардом, он более всего мечтал о звании Поэта. И именно сегодня мы можем констатировать, что с уходом на второй план образа поющего Высоцкого (сегодня его песни поют другие люди), на первый план вышел Высоцкий-поэт, стихи которого читают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродская Е. В. Рецепция творчества В. С. Высоцкого в советской прессе 1960-х – 1980-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] // Российский гос. гуманитар. университет. – Москва, – 2011. – 174 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/recepcija-tvorchestva-v-s-vysockogo-v-sovetskoj-presse-1960-h-1980-h-gg.html> (дата обращения 25.10.2020).
2. Новиков В. И. Высоцкий / науч. ред. Е. В. Смирнова. – М. : Изд-во Молодая гвардия. – 2018. – 496 с.
3. Гавриков В. А. Диссертационные исследования о творчестве Высоцкого 2010 – 2014 годов: критический анализ [Электронный ресурс] // Вестн. РУДН. Сер. : Литературоведение и журналистика. – 2015. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dissertatsionnye-issledovaniya-o-tvorchestve-vysotskogo-2010-2014-godov-kriticheskiy-analiz> (дата обращения 25.10.2020).

КУЗЬЮТКИН М. А.

ТВОРЧЕСТВО И. Ф. БОГДАНОВИЧА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье представлена история изучения творчества русского писателя второй половины XVIII века – И. Ф. Богдановича. Приведены критические отзывы Н. М. Карамзина, В. Г. Белинского, К. А. Полевого и В. Ф. Ходасевича, а также литературоведческие замечания И. З. Сермана и И. Клейна.

Ключевые слова: творчество И. Ф. Богдановича, критические отзывы, поэма «Душенька», степень изученности проблемы.

KUZYUTKIN M. A.

POETRY OF I. F. BOGDANOVICH: STUDY BACKGROUND

Abstract. The article presents the study background of the poetry of the Russian author of the second half of the 18th century, I. F. Bogdanovich. Critical reviews of N. M. Karamzin, V. G. Belinsky, K. A. Polevoy and V. F. Khodasevich, as well as literary comments by I. Z. Serman and I. Klein are considered.

Keywords: poetry of I.F. Bogdanovich, critical reviews, the poem "Dushenka," study background.

Около двухсот лет литературоведы и критики обращают внимание на творчество Ипполита Федоровича Богдановича, известного широкому читателю как автора «Душеньки». Это произведение в свое время имело чрезвычайный успех. Чуть даже не высший, чем, к примеру, комедии Д. И. Фонвизина, трагедии А. П. Сумарокова и оды Г. Р. Державина. Читалась «Душенька» очень легко. В. Г. Белинский отмечает, что «пастушеская свирель Богдановича очаровала слух современников сильнее труб и литавр эпических поэм и торжественных од» [1].

И. Ф. Богданович родился 23 декабря 1743 году в Малороссии. Свое первое образование он получил благодаря нежной матери. С детства был достаточно талантливым ребенком, любил чтение, музыку и стихотворство. В десять лет его определили юнкером в московскую Юстиц-коллегию, где он занимался математикой и отдыхал за творениями М.В. Ломоносова.

Позже И. Ф. Богданович отправляется к директору Московского театра М. М. Хераскову с желанием стать актером. Директор был полезен ему своими наставлениями и советами. Он узнает правила языка и стихотворства, овладевает иностранными языками, а также получает необходимые сведения для надежных успехов дарования.

Между тем Ипполит Федорович публикует свои первые стихотворения в журнале «Полезные увеселения», выходившем при университете. Сам журнал издавался с января 1760 г. по июнь 1762 г. И. Ф. Богдановичем и М. М. Херасковым. С периодическим изданием сотрудничали Д. И. Фонвизин, В.И. Майков, В. Г. Рубан, А. А. Ржевский. На страницах журнала встречались стихотворения: оды, эпистолы, идиллии, элегии, а также прозаические произведения философско-этического характера.

В 1761 году И. Ф. Богдановича определили офицером в надзиратели над университетскими классами. По восшествии на престол императрицы Екатерины II он становится членом комиссии торжественных приготовлений, сочинителем надписей для триумфальных ворот. Через два года Богданович участвует в издании журнала «Невинное упражнение», где в четвертом номере он выступил с переводом поэмы Вольтера «На разрушение Лиссабона».

Переводом вольтеровских стихотворений и блестящим даром Ипполита Фёдоровича восхитился Н. М. Карамзин. Критик в своей публикации «О Богдановиче и о его сочинениях», написанной в год смерти творца «Душеньки» в двух номерах журнала «Вестник Европы», отметил, что автор перевел поэму «так удачно, что многие стихи ее не уступают красоте и силе французских». Далее он приводит наиболее удачные моменты перевода и указывает, что «стихи, написанные молодым человеком двадцати лет, показывают редкий талант стихотворства» и осудить их может «только набожный, строгий христианин, а не критик» [2].

Отметим, что Н. М. Карамзин был одним из первых критиков, кто исследовал творчество Богдановича. В те годы он считал себя победителем в литературе и направил все свои силы на установление своего места в ее развитии, создать тем самым в литературе собственную генеалогию. Для достижения этой цели служила его статья о жизни и сочинениях Богдановича, а также «Пантеон российских авторов».

В 1765 году И. Ф. Богданович издает поэму «Сугубое блаженство», которая, к сожалению, не создала сильного впечатления в публике. Упоминая в своих критических трудах это небольшое произведение Богдановича, Н.М. Карамзин замечает, что тема, затронутая в поэме, требовала зрелости дарований, которую стихотворец еще не имел. Но многие стихи для критика умны и приятны. В поэме описания наслаждения человека в его невинности написаны складно и хорошо.

В 1766 году Ипполита Федоровича отправляют в немецкий Дрезден на должность секретаря посольства к саксонскому двору. Там, гуляя по цветущим берегам Эльбы, он в своем воображении начинает собирать картинки для «Душеньки». По возвращении на родину, в 1768 году, Богданович посвящает себя литературе и стихотворству. Он занимается

переводом статей и изданием журнала «Собрание новостей». Спустя годы он публикует свою «Душеньку».

Н. М. Карамзин, описывая успех «Душеньки», отмечает, что творение Богдановича приятнее, живее и превосходнее тем, что оно написано стихами, а «хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы» [2]. Критик обращает внимание и на имя главной героини, которым Богданович назвал свое произведение. Любезное имя, как отмечает Карамзин, представляет счастливую игру мыслей. И этой игре может позавидовать Лафонтен, с произведением которым подражал Ипполит Богданович. Карамзин считал его первым, кто играл воображением в легких стихах на русском языке.

После «Душеньки» Богданович пишет лирическую комедию «Радость Душеньки» и драму «Славяне», но эти его творения не приносят ожидаемого успеха. Н. М. Карамзин, исследуя последующее творчество Ипполита Федоровича, упоминает его мелкие стихотворения, которые были написаны в «Собеседнике». Все же некоторые из них отличаются замыслом и вкусом. Также критик отмечает переводы И. Богдановичем французских стихов, написанных в честь Екатерины Великой. Такие поэты, как Вольтер, Мармонтель, умели хвалить благородным языком императрицу.

Н. М. Карамзин в творчестве Богдановича пытается найти его отражение характера, «нрава» и душевного строя. Самым важным и ценным критик считает ту самую непосредственность, которая отразила личность творца в его произведениях. Именно поиск души автора в ее поэтическом выражении стало общим местом в русской литературе, а именно в романтической критике 10–20-х годов XIX века. В статье Карамзина о И. Ф. Богдановиче этот момент был провозглашен впервые. Критик изображает поэта, погруженного только в свой внутренний мир. Но в действительности общественный облик Ипполита Федоровича не вмещается в созданный Карамзиным портрет и заживает в русской литературе самостоятельной жизнью [3].

В. Г. Белинский в своем труде также пытался понять успех «Душеньки». Он не восхваляет автора, в отличие от Н. М. Карамзина, заявляя, что в «Душеньке» нет ровно ничего: «сказка, написанная тяжелыми стихами, с усеченными прилагательными, натянутыми ударениями, часто с полубогатыми и бедными рифмами, сказка, лишенная всякой поэзии, совершенно чуждая игривости, грации, остроумия» [1]. Критик заявляет, что у Богдановича все это «поддельно, тяжело, грубо, часто безвкусно и плоско» [1]. И все же В. Г. Белинский убежден, что блестящий триумф «Душеньки» заслуженный. И это он достаточно легко объясняет. Критик отмечает, что «громкие оды и тяжелые поэмы всех оглушали и удивляли, но никого не услаждали» [1], все мечтали о какой-то «легкой поэзии». Как раз Богдановича В. Г. Белинский называет таким человеком, который в то время писал

просто и легко, забавно и игриво. Все это было новизной для читателя, приводило его в восторг. Это произведение было шагом вперед не только для литературы и языка в целом, но и для литературного образования.

Из всех произведений И. Ф. Богдановича «Душенька» печаталась чаще всего. В 1824 году вышло десятое издание поэмы без исправлений. На то время ни один русский поэт не заслуживал такой чести. И у В. Г. Белинского есть объяснение на этот счет. По его утверждению: «есть особый класс читателей: это люди, только что начинающие читать, вместе с переменою национального сермяжного кафтана на что-то среднее между купеческим длиннополым сюртуком и фризовой шинелью» [1]. Таким читателям легче читать «Душеньку». Поэму, написанную милыми стишками, насыщенными легкой, очаровательной и грациозной поэзии, нежели тяжелые и торжественные оды, неспособные усладить их грубый и необразованный вкус.

На творчество И. Ф. Богдановича обратил внимание и один из самых страстных проповедников романтической народности К. А. Полевой. Случилось это в журнале «Московский телеграф» еще в 1832 году. По его утверждению, народность «Душеньки» неоспорима. Он полагает, что «немногие из поэтов наших и даже современников так хорошо знают и чувствуют прелесть старинных русских рассказов, как знал и чувствовал ее Богданович. Он понял, что в легком рассказе единственное спасение русского поэта – наши старинные были и небылицы, где отсвечивается и, как луч солнца на волне, играет поэтический дух народа» [5, с. 534].

Помимо этого К.А. Полевой замечает, что все произведения И. Ф. Богдановича (а их было написано достаточное количество) преданы забвению. Только «Душенька» остановила глубокий след в русской поэзии. Именно этой поэме Богданович придал особенный характер и цвет. Главная заслуга творца – попадание в тот поэтический тон, присущей его поэме. Автор показал самобытность, не рабски следовал Лафонтену. Он посягал прелесть народного языка.

К. А. Полевой указывает и на недостатки поэмы. Главным недостатком он называет – отсутствие поэтического вдохновения, которым отличаются все произведения XVIII века. Также критик думает, что Богданович писал «Душеньку» в тот век, когда все одинаково понимали поэзию, но признает, что в этом нет вины творца [4].

В XX веке творчество И. Ф. Богдановича занимало умы немногих советских исследователей. Отметим труды В. Ф. Ходасевича. Критик выдвигает версию, что «подражание Лафонтену у Богдановича откровенно и очевидно» [6]. Он позаимствовал у французского баснописца целый план повести, повторил многие главы и отдельные образы. Различия заключаются в форме повествования. Если повесть Лафонтена состоит поочередно

из стихов и прозы, то «Душенька» вся написана стихами. Ходасевич также заявляет, что «критика XIX столетия ставила Богдановичу в вину то, что ему остался непонятен глубокий смысл мифа, положенного в основу повести» [6]. Между тем он соглашается и с прежними высказываниями критиков, что суждение это хоть и верное, но и несправедливое, потому как в нем не была взята в расчет историческая обстановка.

В середине XX века исследовал биографию и творчество Богдановича И. З. Серман. В начале своего труда учёный заявил, что не собирается оспаривать мнения, сложившиеся о Богдановиче за полтора века. Но при изучении жизненного и творческого пути поэта он обратил внимание на грубые хронологические ошибки в фактах литературной деятельности. Под сомнение он ставит период юности поэта: знакомство Ипполита Федоровича с М. Херасковым и период службы в Дрездене, никому не был известен круг его знакомств и дружеских связей [3].

На современном этапе творчество И. Ф. Богдановича пристально изучает И. Клейн. В своей статье «Богданович и его „Душенька“» он размышляет о популярности данной поэмы. Исследователь обращает внимание, что Ипполит Федорович «отказывается от эстетического догматизма старшего поколения» [7, с. 462]. Он указывает, что впервые в истории русской литературы появляется «беспечный и веселый поэт-дилетант, для которого поэзия является предметом изящной игры» [7, с. 462]. С этим образом связано и употребление Богдановичем вольного ямба, которым была написана «Душенька». И. Клейн отмечает, что Богданович стал основоположником «легкой поэзии», которая впоследствии получила развитие в пушкинскую эпоху. Исследователь выдвигает мнение, что поэма «Душенька» была рассчитана на женскую аудиторию. А язык данного произведения приближен к разговорной речи, что у читателя порождает иллюзию непринужденной беседы.

Таким образом, мы выяснили, что большего внимания у критиков и литературоведов занимало исследование популярности поэмы «Душенька», поскольку все остальное творчество поэта было мало известно, хотя он писал многочисленные письма, эпistolы, притчи, басни, элегии, эпиграммы, идиллии. И был оригинален в любых жанрах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Душенька, древняя повесть И. Богдановича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0490.shtml (дата обращения 08.01.2020).
2. Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0180.shtml (дата обращения 08.01.2020).

3. Серман И. З. И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/bogdanovich/03article/article.htm> (дата обращения 08.01.2020).

4. Полевой К. А. Душенька, древняя повесть в вольных стихах. Сочинение Ипполита Федоровича Богдановича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/polewoj_k_a/text_0110.shtml (дата обращения 08.01.2020).

5. Журнал «Московский телеграф». – 1832. – № 8.

6. Ходасевич В. Ф. Богданович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0490.shtml (дата обращения 08.01.2020).

7. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Издательский дом "ЯСК", 2005. – 576 с.

БЕЛОВА Н. А., МАЙОРОВА Д. А.
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭКЗОТИЗМОВ
В ЛИРИКЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические особенности экзотизмов и определяются их стилистические функции в поэтических произведениях Н. С. Гумилева, входящих в сборники «Шатёр» и «Фарфоровый павильон». Выводы авторов дают определенное представление об индивидуальном стиле поэта.

Ключевые слова: заимствования в русском языке, варваризмы, экзотизмы, лексико-тематические группы, стилистические функции, функционирование экзотизмов в поэтическом тексте.

BELOVA N. A., MAYOROVA D. A.
STYLISTIC FUNCTIONS OF EXOTISMS IN THE LYRICS OF N. S. GUMILEV

Abstract. The article considers the lexical and semantic features of exoticisms and determines their stylistic functions in the N. S. Gumilev's poetic works, included in the collections "Tent" and "Porcelain Pavilion". The conclusions were made about the poet's individual style.

Keywords: borrowings in the Russian language, barbarisms, exoticisms, lexico-thematic groups, stylistic functions, functioning of exoticisms in poetic text.

Одним из наиболее ярких пластов лексики являются слова, обозначающие реалии народа, присущие только этой нации. Будучи заимствованными в чужом языке подобные единицы становятся экзотизмами. Представляется интересным изучить то, как данные единицы лексической системы языка участвуют в создании художественного текста, какие стилистические функции они выполняют с учетом своих лексико-семантических особенностей. В связи с этим мы обратились к поэтическим произведениям Н. С. Гумилева как источнику для исследования экзотизмов [9] (далее по тексту статьи все примеры приводятся из указанного источника).

Впервые проблема экзотизмов была рассмотрена Е. Ф. Карским в статье «О так называемых барбаризмах в русском языке» [12], а в дальнейшем она получила своё развитие в работах А. А. Реформатского («Лингвистические вопросы перевода») [18], А. Е. Супруна («Экзотическая лексика») [2121], Л. П. Крысина («Иноязычные слова в современном русском языке») [13]. Фундаментальные работы В. П. Беркова («Двуязычная лексикография») [3], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова («Язык и культура») [4], С. Влахова и С. Флорина («Непереводимое в переводе») [6] рассматривают экзотизмы в контексте переводоведения. Позднее определения экзотизмов, признаки, классификации, функции разрабатывались

Ю. Т. Листровой-Правдой («Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века») [15], Н. С. Араповой («Варваризмы как этап освоения иноязычного слова») [2]. В наши дни исследователи возвращаются к рассмотрению данных проблем. Это работы Л. Г. Самотик («Лексика современного русского языка») [19], Е. Т. Никандровой («Экзотическая лексика русского происхождения в сочинении А. Олеария о Московии») [17], Е. В. Мариновой («Экзотическая лексика как лингвистический феномен») [16], О. И. Кальновой («Экзотизм как тип иноязычного слова») [11], Р. П. Абдиной («К проблеме классификации экзотизмов») [1], И. С. Воронковой («О понятиях “Экзотизмы” и “Варваризмы”») [8]. Как справедливо отмечает И. С. Воронкова, экзотизмы обладают семантическими, фонетико-графическими, грамматическими и функциональными свойствами, которые характеризуют их как особый пласт слов в составе иноязычной лексики [8]. Свои специфические свойства экзотизмы проявляют лишь в контексте, именно при таком условии слово может восприниматься как чужеродное. Иноязычные элементы в лирике Н. С. Гумилёва специально исследовала Н. Ю. Воробьева («Иноязычные элементы в произведениях Николая Гумилёва») [7]. Большое внимание ученый уделяет проприальной лексике, иноязычным онимами и топонимами в поэтических и прозаических текстах писателя, а также их значению в составе изобразительно-выразительных средств и текстовому окружению.

Анализ приведенных источников приводит к выводу о том, что основными признаками экзотизмов являются иноязычное происхождение, отнесенность к определенной стране, отсутствие однословных синонимов в языке-преемнике или отсутствие описываемой реалии в культуре. Также исследователи выделяют ряд сопутствующих признаков, таких как отнесенность к пассивному словарному запасу литературного языка, употребление преимущественно в книжном стиле, номинативный характер, ограниченную сочетаемость и низкую словообразовательную активность. В процессе деэкзотизации данного типа лексических единиц они лишаются некоторых признаков и приближаются к освоенным заимствованным словам.

Целью нашего исследования является изучение экзотической лексики и её художественной функции в лирике Н. С. Гумилёва. В соответствии с целью были выдвинуты следующие задачи: 1) выявить экзотическую лексику в сборниках стихотворений Н. С. Гумилёва «Шатёр» и «Фарфоровый павильон»; 2) охарактеризовать тематический состав экзотизмов в поэтических текстах Н. С. Гумилёва; 3) изучить особенности функционирования экзотизмов в текстах произведений Н. С. Гумилёва.

В сборниках Н. С. Гумилёва «Шатёр» и «Фарфоровый павильон» встречается большое количество экзотизмов. Основными языками-источниками экзотизмов для сборника

«Шатёр» являются арабский (*султан, мечеть*), персидский (*диван, шакал*), греческий (*сикомора, платан*), турецкий (*софа, кальян*). Среди других восточных языков встречаются еврейский (*фараон*), египетский (*апис*), санскрит (*паланкин*). Так как большая часть сборника посвящена Африке, обнаружены заимствования из амхарского (*баоба́б*), из языка банту (*зулус*). Также встречаются заимствования из романских и германских языков. В сборнике «Фарфоровый павильон» языками-источниками экзотизмов являются малайский (*бамбук*), индийский (*нагода*), санскрит (*рупия*), португальский (*мандарин*), латинский (*цикада*), французский (*лиана, пирога*).

Большинство экзотизмов – это освоенные русским языком заимствования (языковые экзотизмы: *султан, диван, буйвол, пирога* и подобные). Однако встречаются и речевые экзотизмы (*бетель, марабут, хамсин* и подобные).

В целом среди экзотизмов, извлечённых из художественных произведений Н. С. Гумилёва методом сплошной выборки, было выявлено 94 единицы экзотической лексики. Для анализа лексико-тематических групп мы использовали классификацию реалий В. С. Виноградова [5].

Бытовые реалии представляют собой довольно широкую группу экзотизмов (17 единиц). Например, «*Блещут копы и веют бурнусы*», «*Нравятся девушкам рупии*», «*Над мечетью султана Гассана / Минарет протыкает луну*» и др. Они охватывают различные сферы жизни человека: а) одежда (1 единица), головные уборы (1); б) пища (2); в) денежные знаки (1); г) музыкальные инструменты (1); д) народные праздники (1); е) транспортные средства (3) и способы передвижения (1); ж) постройки и здания (3); з) мебель (1); к) оружие (1); л) населенные пункты (1); м) другие предметы быта (1). Экзотизмы этой группы указывают на наиболее яркие национальные черты в одежде, помогают отразить историю через предметы, элементы городского пейзажа, созданного человеком. Бытовые реалии демонстрируют повседневную жизнь народов других стран, при этом сохраняя необычное звучание, особенности языка и экзотичность.

Названия этнических и социальных общностей (18 единиц) относятся к этнографическим реалиям и играют большую роль при описании особенностей дальних стран. Так, в сборниках появляются элементы социальной и этнической географии. В некоторых стихотворениях отражены отношения между племенами: «*Туарегов, что западной правят страной, / На востоке не любят тиббусы*» («Сахара»). Другие стихотворения, в которые входят слова данной группы, рисуют широкую панораму жизни страны. Названия социальных общностей характеризуют род деятельности или статус людей (*феллах, карнак*), позволяя узнать больше об общественном устройстве.

Мифологические реалии также представлены не так широко. Это названия божеств (*Апис, Изиды*) и сказочных существ (*сфинкс*). Все они сосредоточены в одном стихотворении – «Египет».

Названия реалий мира природы (20 единиц: а) животные (6), птицы (1), насекомые (1); б) растения (8); в) ландшафт, пейзаж (2); д) явления природы (2)) также занимают значительное место среди экзотизмов в сборниках. Все названия животных – языковые экзотизмы, которые уже освоены русским языком. Названия животных органично вписываются в пейзаж, передавая его красоту: «*Садовод всемогущего Бога*» <...> «*Дал газели девичьи глаза*» («Судан»). С помощью упоминания ареала обитания или звуков, которые издают звери, писатель старался разнообразить картины природы.

Растения представляют собой одну из самых заметных частей пейзажа. Часто их названия выступают в качестве символа: «*Дай скончаться под той сикоморою, / Где с Христом отдыхала Мария*» («Вступление»). Образ сикоморы, переданный экзотизмом, создаёт атмосферу вечности, так как дерево сохранилось ещё с библейских времён. Названия растений выступают и в качестве средства экспрессивного воздействия на читателя в составе тропа: «*Если сделаешься ты лианой, / Стану птицею иль обезьяной*» («Лаос»).

Экзотизмы, обозначающие части ландшафта, сконцентрированы в стихотворении «Сахара». Они отражают самые частые природные элементы в пустыне – дюны (прибрежный песчаный холм, нанос, передвигаемый ветром [14]) и оазисы (место в пустыне, где есть растительность и вода [10]).

Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (названия правителей – 8, и органов власти – 1), как современные поэту, так и ушедшие в прошлое, также отражены в сборниках. Например, в стихотворении «Замбези» упоминается Чака – зулусский правитель, в тексте он предстает как полумифический вождь, живущий на небесах: «*Ты садись между мною и Чакой / На скамье из людских черепов!*» («Замбези»). С наименованиями правителей тесно связаны и названия органов власти, часто они упоминаются вместе: «*И Хедива в высоком Диване / Уж не властен святой произвол!*».

Самой распространённой группой экзотизмов является группа **топонимов**. Было обнаружено 26 топонимов. Из них: 9 – названия городов, 1 – канала, 1 – гор, 1 – острова, 4 – названия плато, равнины или нагорья, 2 – оазисов, 3 – земель определенного народа, 1 – озера, 1 – реки, 3 – государств. Такое обилие топонимов в сборнике «Шатёр» отвечает авторскому замыслу: создать учебник географии в стихах. Действительно, читатель узнаёт много неизвестных объектов географии Ближнего Востока и Африки. Гумилёв часто концентрирует их в одной строфе. Такой приём позволяет буквально несколькими словами нарисовать широкую картину местности. Например:

*Над чертогами **Елефантины**,
Над садами **Мемфиса** и **Фив** («Египет»).*

Названия природных объектов иногда бывают выражены словосочетанием прилагательное + существительное, в котором прилагательное образовано от собственно экзотического слова: *Орошая Дамьетские скалы / Розоватыми брызгами пен* («Египет»). Однако подобные примеры немногочисленны.

Названия государств часто используются в значении территории: *«Кто зарыл их в угрюмых ущельях **Бенины**» («Нигер»)*, *«Дальше справа, где рощи густые **Соконо...**» («Нигер»).*

Топонимов в сборнике «Фарфоровый павильон» не найдено.

В стихотворениях Н. С. Гумилёва экзотизмы выполняют преимущественно номинативную функцию, описывая национальные особенности страны, создавая местный колорит. Экзотизмы в равной степени являются средством достижения бытовой и исторической достоверности и ярким средством при описании национальной действительности. У подобных экзотизмов нет эквивалента в русском языке. Выполнение художественной (экзотизмы являются языковыми средствами обозначения деталей, являющихся, в свою очередь, элементами художественного образа) и стилистической функции тесно связано с функцией номинативной. Тематическое и функциональное разнообразие экзотической лексики, активность их употребления Н. С. Гумилёвым свидетельствует о художественной значимости этого разряда слов. Использование экзотической лексики в художественном произведении вызвано стремлением автора как можно точнее воссоздать мир духовной и материальной действительности народов Африки и Востока, а также как можно ярче воплотить художественный образ.

Функция речевой характеристики героев в лирике приобретает иную интерпретацию – это скорее характеристика речи лирического героя произведений. Он не только хорошо знает Африку, но и любит её. Такие слова мог сказать только человек, очарованный её красотой: *«О тебе, моя Африка, шепотом // В небесах говорят серафимы»* («Вступление»).

В сборнике встречаются и герои описаний. В данном случае в песне зулусу можно найти экзотизм, характеризующий его как местного жителя, знающего фольклор своей страны:

*Он поет, этот воин-зулус:
«Я дремал в заповедном **краале**
И услышал рычание льва... («Замбези»).*

Экзотизмы в поэтическом тексте часто становятся элементами изобразительно-выразительных средств. Однако экзотизмы в этой функции встречаются реже (11 примеров

из 93 найденных единиц). Чаще всего экзотизмы встречаются в составе метафор, олицетворений или сравнений. Примеров их использования как эпитетов нами найдено не было.

В составе метафоры экзотизм не только выполняет номинативную функцию, но и воздействует на воображение читателя, формируя образное представление о действительности. Например: *«Это взор благосклонный Изиды / Иль мерцанье встающей луны?»* («Египет»). Олицетворения создают наглядный и яркий образ предметов или явлений: *«Сфинкс улегся на страже святыни/ И с улыбкой глядит с высоты»* («Египет»). Сравнения используются в тексте для того, чтобы зрительно охарактеризовать внешний вид или внутренне свойство предмета, его состояние, поведение. Экзотизмы в сборниках Н. С. Гумилёва в составе сравнения являются тем, с чем сравнивается объект, то есть – эталоном сравнения. К примеру, предполагается, что читатель должен знать, что *фата-моргана* – итальянское название миража [20] (здесь утрачивается национальный компонент): *Точно дивная Фата-Моргана, / Виден город у ночи в плену* («Египет»).

Обобщая материалы исследования, можно сделать следующие выводы. В текстах произведений встречается лексика, уже достаточно освоенная русским языком; лексика, не зафиксированная словарями, практически не встречается. Особенность лирики Н. С. Гумилёва состоит в том, что значение слова можно понять из контекста. Основными языками-источниками используемых экзотизмов в рассмотренных произведениях являются арабский, турецкий, персидский, африканские диалекты, греческий, европейские языки встречаются реже. Произведения содержат большое количество экзотизмов различных лексико-семантических групп, которые были рассмотрены выше.

Экзотическая лексика помогает определить национальную интонацию, представить природу, культуру и народы Африки, Китая и Индокитая, а также почувствовать ритмы китайской поэзии, получить представление о её формах. Экзотизмы в изученных художественных текстах выполняют функции описания национально-языковых особенностей, описания различных географических мест, отличающихся от русской действительности, создания речевой характеристики лирического героя и других персонажей, воздействия на воображение читателя (в составе тропов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдина Р. П. К проблеме классификации экзотизмов // МНКО. – 2013. – № 5 (42). – С. 290–292.
2. Арапова Н. С. Варваризмы как этап освоения иноязычного слова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1989. – № 4. – С. 9–16.

3. Берков В. П. Двухязычная лексикография. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 248 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностр. Метод. руководство. – М. : Рус. яз., 1983. – 269 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М. : Высш. шк., 1986. – 416 с.
7. Воробьева Н. Ю. Иноязычные элементы в произведениях Николая Гумилёва : автореф. дис.... канд.филол. наук. – Московский государственный областной институт. – М., 2015. – 29 с.
8. Воронкова И. С. О понятиях «Экзотизмы» и «Варваризмы» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 77–79.
9. Гумилев Н. С. Романтические цветы: стихотворения. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
10. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М. : ЭТС, 2010. – 5140 с.
11. Кальнова О. И. Экзотизм как тип иноязычного слова // Материалы международной научной конференции «Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах / Под ред. Н. А. Илюхина. – Самара : «Универс. групп», 2011. – С. 248-251.
12. Карский Е. Ф. О так называемых барбаризмах в русском языке : Речь, сказ. на годич. акте в Вилен. 2 гимназии 21 авг. 1886 г. Е. Ф. Карским. – Вильна : тип. А. Г. Минскера, 1886. – 12 с.
13. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
14. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Рус. яз., 1998. – 846 с.
15. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 142 с.
16. Маринова Е. В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд. ННГУ, 2003. – С. 138-142.
17. Никандрова Т. Е. Экзотическая лексика русского происхождения в сочинении А. Олеария о Московии : автореф. дис.... канд.филол. наук : 10.02.20. – Ин-т языкознания РАН. – М., 2015. – 24 с.

18. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 6.
19. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка. – М. : Флинта, 2012. – 510 с.
20. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / Под ред. А. Н. Чудинова. – СПб : В. И. Губинский, 1902. – 878 с.
21. Супрун А. Е. Экзотическая лексика // Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 52–53.

МЕЗЕНЦЕВА Е. С.

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения языка как способа познания окружающей действительности и влияния когнитивного процесса на развитие способностей учащихся. Рассматриваются сущность когнитивного метода и механизм его работы, а также новые дисциплины, которые можно включить в образовательную программу по русскому языку.

Ключевые слова: когнитивистика, эколлингвистика, образование, логика, концепт, лингвокультурология, языковая картина мира.

MEZENTSEVA E. S.

THE ROLE OF COGNITIVE PROCESSES IN RUSSIAN LANGUAGE LEARNING

Abstract. The article is devoted to the problem of language learning as a way of cognizing the surrounding reality and the influence of cognitive process on the development of students' abilities. The article considers the essence of the cognitive method and the mechanism of its work as well as new disciplines that can be included in the Russian language academic curriculum.

Keywords: cognitive science, ecolinguistics, education, logic, concept, linguoculturology, language picture of the world.

Образование как институт претерпевает изменения в связи с тем, что учащимся все раньше приходится делать выбор в сторону узконаправленного образования. Какую роль сыграет уменьшение часов изучения языка в образовательной программе? И почему именно изучение языка в школах, садах, колледжах и высших учебных заведениях важно для мировосприятия каждого обучающегося, влияет на качество жизни и психологический комфорт каждого индивидуума?

Мы придерживаемся позиции, что познавательный процесс связан с языковой картиной мира каждого обучающегося. Картина мира позволяет не просто адаптироваться к обучению, но и вводит участников обучения в комфортные условия восприятия. Картина мира состоит из концепций и категорий, они имеют иерархичность и структуру, но сами концепты и категории рассматриваются нами через призму восприятия. Восприятие строится на основе полученных знаний из внешнего мира, затем переходит во внутренние установки.

Само по себе восприятие существует у многих видов животного мира не в языковой форме, однако люди кодируют информацию с помощью языка. Мир человека строится на языковом кодировании реальности. Цепочка получается такая: восприятие – язык – концепт (категория) – восприятие, и мы не в силах разорвать данный цикл, т.к. считаем, что у

гносеологической стороны данного вопроса есть риск прийти к парадоксальным выводам [9, с. 147]. Однако стоит отметить, что нам и не требуется разрушать данный цикл, ведь для успешного понимания того, что нужно для более продуктивного познания, необходимо разобраться в вопросах когниций и категоризация языка.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, «концептуализация представляет собой осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений в виде концептов. Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению. Производя или осмысливая любое высказывание, мы обязательно обращаемся к категориям. Представления о категории свидетельствуют не только об определенном взгляде на мышление, но и об определенном понимании мира» [8, с. 6]. То есть вся воспринятая человеком информация укладывается не просто индивидуально, но и «потомственно», что обеспечивает единый круг мышления и впоследствии один и тот же круг познания, который каждый способен понять и усвоить: поэтому так важно, чтобы каждый владел языковым аппаратом наиболее искусно и умело, ведь от этого зависит слаженность понимания концепта, его устойчивость и в дальнейшем его работа на благо восприятия индивидуума. Также мы должны обратить внимание на то, что если обучающиеся не могут выявлять причинно-следственные связи, то их восприятие будет искажено из-за ошибок в логике: выводы будут неверными и заключения не смогут принести им никакой пользы. Так, передача знаний – недостаточное условие для развития индивидуума в рамках образования, ему необходимо показывать, как именно развивается мысль, для чего в процессе обучения должны участвовать навыки из области когнитивистики, лингвистики и формальной логики. Мы думаем, что фундаментом образования могут стать базовые знания вышеперечисленных дисциплин, которые впоследствии будут применяться комплексно в программе обучения.

Если говорить об обучении на базе нейролингвистики или лингвокультурологии, то одним из решающих моментов будет понимание языковой картины мира каждым обучающимся, от неё будет зависеть то, какие методы познания будут использоваться в рамках выбранной сферы изучения. «Языковая картина мира – это такое образование, которое всегда участвует в постижении мира и дает знания об окружающей действительности. Ее можно назвать сеткой, которую накидывают на восприятие человека, влияющей на его оценку и видение различных ситуаций и событий сквозь призму языка, а также приобретенного вместе с ним опыта, который включает не только огромное количество единиц номинации, но и правила их функционирования и образования» [2, с.16]. Поэтому каждому обучающемуся необходимо понимать истоки его знаний для

систематизации и категоризации явлений действительности. Таким методом «проникновения» в глубь языка и мышления каждый сможет самостоятельно выбрать более удобный путь познания, понимать свои потребности, различать в огромном потоке информации необходимые ему ресурсы и направления развития.

Мышление должно быть структурным, стройным. Любые противоречия и трудности могут быть разрешены благодаря систематизации знаний, причём индивидуальной, т.к. информационное поле становится все более разнообразным и каждое узконаправленное ответвление в познании все труднее систематизировать в рамках деятельности учащихся одной сферы, поэтому ключ к масштабному познанию должен лежать в руках каждого индивидуума, а для этого ему должны быть известны все двери. Не зря известный учёный Р. Джакендофф писал в своей книге «Семантика и познание» о том, что кодируются знания главным образом в языковой семантике, поэтому «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [6, с. 10].

Конечно, где язык, там и грамматика. Грамматика отражает формы языка с помощью категоризации – частей речи. И поскольку язык абсолютно естественен для нас, то и категоризацию языковых форм нам следует рассматривать как способность человека к познанию реальности. «Языковые формы отражают определенное видение мира человеком. В них сосредоточен весь познавательный опыт человека, влияние окружающей среды, поэтому «изучение языка – это косвенное изучение познания», является как бы своеобразной призмой, через которую человек “видит” действительность, проецируя на нее, при помощи языка, опыт общественной практики» [7, с.51]. Грамматика как система вбирает в себя ключевые категории концептуальной системы языка, поэтому грамматические категории можно считать путём к пониманию нашего мышления, к репрезентации картины объективного мира и к представлению о видении каждым индивидуумом окружающего его мира. Рассмотрение когнитивных механизмов, формирующих языковые значения, помогут учащимся проявить интерес к изучению русского языка как основе их познавательной деятельности. Наши рассуждения можно обобщить с помощью слов Т ван Дейка: «Структура того, что существует, тесно связана с тем, что мы можем знать о действительности» [5, с. 82]. Значит, познание заключается в том, что мы собираем информацию не из новых источников, а пытаемся объяснить уже известные нам явления и описать старые объекты действительности. Чем дальше мы уходим в познании, тем тяжелее рассматривать детали каждого познаваемого объекта, т.к. мы не видим логики и взаимосвязи между ними. Именно поэтому образование не должно сразу апеллировать к метаязыку, но обязано разобраться в механизмах естественного языка.

Изучение языка преследует несколько целей: помимо грамотности, обучающимся прививают чувства патриотизма и воспитывают в них духовно-нравственные личностные качества. Однако в наше время младшее поколение неправильно рассматривает данные задачи обучения и считают их навязыванием идеалов, поэтому во избежание подобных проблем надо суметь донести до учащихся необходимость изучения родного языка как способ выражения мировоззрения, совпадающего с народным самосознанием и, в целом, с устоявшимися нациеобразующими концептами.

Формирование учащегося как личности – одна из главных задач образовательного института, и данная цель не может быть достигнута без осознанного подхода индивидуума к самопознанию. Именно языковое образование может приобщить к опыту и наследию предыдущих поколений, современников; может служить основой этнического, гражданского самосознания.

В статье И. А. Абрамова говорится о том, что можно выделить несколько предметных компетенций русского языка [1, с. 117–118]:

Коммуникативная – компетенция, отвечающая за овладение не только письменной речью, но и устной. Данная задача направлена на овладение такими навыками, которые позволят индивидууму чувствовать себя комфортно в условиях определённой языковой среды. Возможно, стоит также включить в задачи овладение речью не для окружающих, но и для себя, овладение внутренней речью, т.к. критическое рассмотрение своих же высказываний приведёт к уменьшению логических ошибок и сомнению в псевдонаучных утверждениях.

Языковая (лингвистическая) – это компетенция, отвечающая за знание устройства языка, его системности. Расширение области знаний в данной компетенции и более детальная разработка могли бы помочь учащимся самостоятельно систематизировать знания, расширять границы научного познания.

Культуроведческая – это компетенция, которая отвечает за национально-культурную специфику русского языка. Например, лингвокультурология может помочь в самоопределении личности учащегося, его трепетному отношению к наследию и опыту. И в данном случае речь идёт о патриотическом воспитании не как инструменте формирования идеологии, а как ключе к духовному и нравственному развитию личности, что поможет в познании, формировании этнического самосознания и принятии своего наследия. Лингвокультурология создана, по мнению Э. Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» [3, с. 15] и представляет собой своеобразную «линзу», через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса. Объектом данной науки является «взаимодействие языка, выступающего

транслятором культурной информации, и культуры – исторической памяти народа». И именно трансляция кода культуры способствует новому мышлению учащихся – более самостоятельному, независимому, стройному.

В состав компетенций можно включить не только информацию лингвокультурного плана, но и знания об эколингвистике. Статьи, содержащиеся в журнале «Экология языка и коммуникативная практика», заставляют задуматься о том, насколько сильно влияет калькирование из иностранных языков на родной язык, как можно обезопасить себя от информационного вреда и пр. Также, например, А. П. Сковородников и Н. С. Севруженко призывают задуматься о том, как важно сохранять нациообразующие концепты в сознании русскоговорящих носителей и что «если рассматривать совокупность ключевых концептов русской языковой картины мира как систему, то надо признать, что в этой системе нациообразующие концепты обладают наибольшей значимостью / ценностью для сохранения идентичности русской ментальности и культуры» [11, с. 40]. Данные проблемы связаны, скорее всего, с упором на первые две задачи в изучении русского языка, однако и культуроведческая компетенция играет огромную роль в познании индивидуума.

Итак, изучение русского языка должно расширить области рассматриваемых компетенций: в настоящее время упор делается на изучение грамматики со стороны верного построения речи и предложений, что приводит не только к ослаблению интереса учащихся, но и к отторжению восприятия информации, т.к. многие не видят ее практического и прикладного применения. Данная проблема может быть решена с помощью включения в программу таких современных дисциплин, как логика, когнитивистика, лингвистика, эколингвистика, лингвокультурология и др. Они необязательно должны выноситься как отдельные предметы, а могут быть синкретично включены в учебники и задания. Язык должен быть преподнесён не только как инструмент донесения информации, но и как социальный конструкт, инструмент познания. В языке отражается «весь познанный и практически освоенный человеком мир, а также сам человек как часть этого объективно существующего мира» [10, с. 65], поэтому каждый индивидуум должен уметь не только отражать реальность, но и отражать ее достоверно и общедоступно для более масштабного изучения вопросов познания. Каждый учащийся должен уметь вносить вклад в изучение предметов и дисциплин, научных сфер. Вся коммуникативно значимая информация включена в концепты [4 с. 17], поэтому их формирование так важно для нового уровня познания. Важно систематизировать наши знания, категоризовать их на уровне обычного обучения, ведь концепт давно стал мостом между культурой и личностью, познанием и сознанием. Концепт – одновременно единица сознания и культуры; это «то, в виде чего

культура входит в ментальный мир человека... и посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с. 122].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова И. А. Лингвокультурологический подход в языковом образовании школьников как условие развития личности // Образование и наука. – 2009. – № 7(64). – С. 116–122.
2. Анохина С. З. Восприятие языковой картины мира в русском и английском языках // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 12(66). – С. 16–18.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : УРПС, 2002. – 448 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – ВолГУ; под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Джакендофф Р. Семантика и познание. – М. : Смысл, 1983. – 473 с.
7. Климова Ю. А., Стребкова М. В. Языковая категоризация как отражение процесса познания // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – С. 48–52.
8. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. – М. : ИНИОН, 1994. – С. 5–31.
9. Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование. – СПб. : ООО «Дом печати Издательства Книготорговли "Капитал"», 2019. – 672 с.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
11. Сковородников А. С., Севруженко Н. С. «Русская земля» как нациеобразующий концепт // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020. – № 1. – С. 30–46.
12. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985. – 243 с.

ЛЮБИМОВ Н. И.

ОБРАЗ ВЕТРА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. ЭМЫКАН

Аннотация. В статье анализируется роль образа ветра в художественной концепции мира в сборнике стихотворений марийского поэта Надежды Эмыкан «Мый шошын ўдыржӧ улам» («Я – дочь весны»). Выявляется философская направленность данного образа в пейзажной и любовной лирике автора.

Ключевые слова: марийская литература, русская лирика, Н. Эмыкан, образ ветра, художественная концепция мира, философская стратегия образа.

LYUBIMOV N. I.

THE IMAGE OF THE WIND IN THE ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL CONCEPT OF N. EMYKAN

Abstract. The article analyzes the role of the wind in the artistic concept of the world in the collection of poems "I am the daughter of spring" by the Mari poet Nadezhda Emykan. The study reveals the philosophical orientation of this image in the landscape and love lyrics of the author.

Keywords: Russian poetry, N. Emykan, Mari literature, poetic image of wind, artistic concept of world, philosophical strategy of image.

Надежда Эмыкан (Васильева) – представитель молодого поколения современной марийской поэзии, автор трех поэтических сборников. В 2016 году опубликован ее поэтический сборник «Мый шошын ўдыржӧ улам» («Я – дочь весны»), в котором стихотворения представлены одновременно на языке оригинала (марийский) и в переводе на русский язык (перевод осуществлен Виталием Граховым). Сборник состоит из трех частей, заглавия которых сразу настраивают читателя не только на лирическую волну, но и на серьезное обсуждение важных проблем, глубоко волнующих автора: «Ветру стану я подругой», «Ты вспомни меня», «Бывает так, когда смеюсь, я плачу». Поэта волнуют проблемы современной жизни, судьба вечных ценностей, любовь и счастье, нравственные устои общества, природа и экология.

Интересующая автора проблематика приобретает философское звучание и раскрывается с помощью использования многочисленных природных образов. Одним из ключевых образов в сборнике Н. Эмыкан, выражающих ход и смысл авторских размышлений о мире, является образ ветра.

Природные образы в философско-концептуальной роли хорошо изучены на материале русской лирики, например, в монографии М. Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной...» [8]. Имеется достаточно много работ, в которых рассматривается в

философском контексте и образ ветра в лирике русских поэтов-классиков: А. Пушкина, В. Тютчева, А. Блока, А. Ахматовой, С. Есенина, Б. Пастернака, Н. Рубцова и др. [2; 3; 4; 5; 6]. Так, В.В. Кожин, имея в виду именно философскую составляющую образа ветра, так пишет о поэзии Н. Рубцова: «Ветер – это, пожалуй, основная звучащая природная сила в поэзии Рубцова:

...Что сам не можешь, то может ветер

Сказать о жизни на целом свете...

<...>

Стихия ветра в поэзии Рубцова непосредственно связана с человеческой судьбой, точнее, с судьбой самого поэта (как стихия света с душой)» [5].

Марийская лирика, как классическая, так и современная, в данном контексте пока еще специально не изучена. Есть лишь отдельные замечания по поводу природных явлений в роли образов-символов, например, в марийской драматургии второй половины XX – начала XXI века [1]. Цель нашей статьи – анализ и интерпретация образа ветра в лирике современного марийского поэта Надежды Эмыкан. Эмпирическим материалом для статьи послужили пейзажные и любовные стихотворения, вошедшие в ее сборник «Я – дочь весны» и содержащие философские размышления автора.

Образ ветра в первый раз появляется в сборнике «Я – дочь весны» в названии первой его первой части – «Ветру стану я подругой», а одноименное стихотворение этой части становится объединяющим все остальные в идейно-проблемном плане. Лирическая героиня хочет стать «ветру подругой», «месяцу сестрой», «зарю ребенком», «ветра девицей». Она в полном единении с природой, ее дыхание сливается с дыханием матери-природы. В такой момент она готова забыть даже верного друга:

На меня не обижайся.

Спать ложись. Со мной прощайся.

Стану ветра я девицей.

Я хочу с природой слиться [7, с. 15].

Ветру стану я подругой,

Радость с ним делить я буду [7, с. 15].

Лирическая героиня, избрав себе неземную подругу (ветер), готова совершить полет к звездам, луне. Она не хочет быть скованной земными проблемами, бытом, ее душа хочет свободы, творчества, а мысль – свободы полета.

Образ ветра в лирике Н. Эмыкан весьма многообразен. Он очень подвижный, живой, как человек, с «чувствами», подобными человеческим, потому он может быть свирепым,

грустным или нежным. Автор, таким образом, утверждает единство природного и человеческого мира. В стихотворении «Радость летних дней не в силах...» осенний злой ветер «марает черной сажой» душу лирической героини. Но это, несмотря на то что заставляет ее волноваться, не воспринимается ею как преграда, помеха, ибо природа и человек в ее понимании едины в своих «ощущениях», природа подает человеку свои сигналы и знаки, которые соответствующим образом он должен воспринимать. Лирическая героиня Н. Эмыкан понимает смысл «черной сажи» ветра, она не унывает, напротив, она полна сил и энергии, готова совершить чудо:

*Грусть природы я закрашу
Яркой краской золотой.
Разбужу я солнце в небе,
Радуге верну цвета,
Заменю забор соседа
На резные ворота... [7, с. 29].*

При этом переменчивое настроение героини, осмысленное автором как привычное состояние думающего и рефлексирующего человека, удачно подчеркивается цветовыми эпитетами: «черному» («черная сажа») противопоставляется «белый» («белый снег»). Следует отметить: образная антитеза пронизывает весь текст стихотворения (дождь – снег, радость – грусть, забор – резные ворота).

А в стихотворении «Осень» бешенство ветра («будто взбесился») усилено экспрессивной глагольной формы и олицетворением, обильно использованными автором в соответствии с ее внутренним состоянием (недовольство собой, невозможность совладать своими чувствами и т.д.):

*Снова ветки ломает,
Разодрал платье липы,
Обнажил угол сада [7, с. 33].*

*Краски алые с неба
Солнце в спешке срывает.
Сундучок свой волшебный
Лето вновь закрывает [7, с. 33].*

Создавая в стихотворении «С небесных черных глаз бездонных» образ ранней осени, автор обращает внимание на такие природные явления: «закапал дождик горьких слез», а «у ветра алчного с ладоней» ворох листьев собирает ночь. Удачно подобранные метафоры помогают автору подчеркнуть цикличность природной жизни и понимающее отношение к

этому лирической героини. Грустное, но мудрое восприятие циклов природы мы видим и в стихотворении «Средь множества дивных цветов хоровода...»; в нем ветер контролирует ход природной жизни и «переворачивает страницу» жизни лирической героини:

*Сентябрь для нас был как теплое лето,
Природа нам пела друг друга любить.
Куда же ту сказку унес теплый ветер,
Вдруг ставший холодным дыханьем зимы?* [7, с. 53].

С помощью образа ветра на философски уровень поднимается автором и традиционные для марийской поэзии тема деревни и мотив родительского дома. Именно в таком содержательном контексте этот образ представлен в стихотворении «Дорога домой»:

*Вьется тропка, колышется поле.
Уж давно не видал здесь гостей
Ветер-страж, открывающий створы
Деревенских ворот каждый день* [7, с. 39].

Ветер, названный стражем деревни, открывающим ее «ворота», помогает автору создать мифопоэтическую картину мира, где все организовано по природным законам, согласно древним традициям, где все живо и управляемо некими мистическими (языческими) силами, которым всегда поклонялись марийцы. Издревле каждая деревня, каждый город огораживались воротами, за пределами которых начинался другой мир, а «ветер-страж» как будто охранял этот замкнутый, но цельный и самодостаточный мир, освещаемый богами. Автор, живущий в современности, как будто чувствует свою связь с ними, с уважением относится к прошлому и древней культуре своего народа и глубоко переживает убыль этой культуры и убыль народной души. Именно поэтому мифологический мир деревни настроен к ней по-человечески: «ветерок нежно обнял меня», «вьется, радуясь, к дому дорога». И небосвод «синий-синий», и солнце «светлей». Пространственный мир стихотворения строится на таких образах-деталях, как тропка, поле, ворота, луг, порог родного дома. Лирическая героиня понимающе ведет диалог с этим миром, ощущает с ним онтологическую связь, испытывает радость от встречи и общения с ним и родными людьми.

Мифопоэтический колорит отмечен в использовании автором образа ветра даже в любовной лирике. Так, в стихотворении «Привет» ветер ассоциируется с проводником, который уносит любимому приветственное слово. Лирическая героиня шепчется «с ветром утренним» и душою улетает к сердечному другу:

*Через реки, поля пролечу.
У зеленых лесов сил возьму,
Обгоню золотую зарю*

И приветом в окно постучу... [7, с. 45].

Она позволяет себе общаться с ветром, как со своим другом: «я приглажу тебе прядь волос». Ветер и в этом, и в других стихотворениях Н. Эмыкан исключительно антропоморфен: он, как и любое явление природы, в восприятии лирической героини, сродни человеку. Очеловечивание ветра становится художественным принципом автора: «ветерок вечерний обнял плечи мне» [7, с. 71], «ветер слезы мои осушил» [7, с. 75], «в последний раз ветер меня приласкает, своими руками так нежно обняв» [7, с. 81], «а может быть ветром мне стать в спокойное небо взлететь» [7, с. 83], «ты со мной – ветер тихим стал вновь» [7, с. 85], «ветру бросаешь укор» [7, с. 99], «ветер злобно крикнул мне вдогонку» [7, с. 103], «ветер лечит душевные раны» [7, с. 111], «кого так ветер укоряет» [7, с. 114].

Ветер воплощает в себе непреложные законы жизни человека и природы, которые не изменить никому и которые не следует пытаться изменить. Не «перехитрить» человеку «ветра злую круговерть» (стихотворение «Не замоленный грех»: *«Иль ветра злая круговерть твоей души покой тревожит?»*). Но в другом стихотворении «Коль снегом твой след запорошит...» мы неожиданным образом слышим уже другую, противоположную, логику поведения в общении с природой:

В пути мне преградой не будет

Ни стужа, ни ветер, ни град [7, с. 65].

Образ ветра используется в этом стихотворении дважды: в первом случае – в роли разрушителя любви, утонувшей в словах («ветром развеет слова»), во втором – жизненного препятствия, которое непременно преодолет лирическая героиня, в чем она уверяет своего читателя.

В стихотворении «Ты мне не сули белоснежные горы...» лирическая героиня хотела бы восхваленному возлюбленным краю, где царит зима со снежными холодными ветрами, белоснежными горами, темными ночами, предпочесть родной край – с теплым летом, когда царит «нектар самых сладких и сочных плодов». Она не может «бога чужого о чем-то молить», «родной край оставить, покинуть, забыть» и потому готова расстаться с любимым:

Другой обещаю свои снежные горы,

Быть может, по сердцу ей станут ветра.

Милее всех северных снежных просторов

Мне теплого лета золотая пора [7, с. 89].

Она ищет замену «ледяному», «далекому» ветру в виде ветра, который может стать «по сердцу».

Очень редко образ ветра в любовной лирике Н. Эмыкан используется в прямом значении (природное явление). Он не просто кружит осенние листья (стихотворение

«Последнее письмо»), он ассоциирован с состоянием мыслей и чувств лирической героини, с переходом их в новое состояние. Ветер уносит прощальное слово «чеверын» любимому человеку, лирическая героиня нежно передает ветру и имя возлюбленного, произнося его ему вслед. И образ ветра становится уже символом свободного мироощущения лирической героини, не противопоставленного, а скорее дополняющего ее жизненную философию, основанную на уважении к природным законам и правилам природного существования ее предков.

Итак, в поэтическом сборнике Н. Эмыкан «Я – дочь весны» образ ветра отличается предельной антропоморфностью; это природная стихия подвергнута максимальной символизации и метафоризации; имеет место и обращение к мифопоэтике (ветер-страж в деревенском мире); благодаря образу ветра автор художественно выражает свои чувства и свое миропонимание; основой философской концепции автора, передаваемой с помощью этого образа, становятся единство природного и человеческого, уважение к природной цикличности и естественной свободе человеческой души.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Т. Н. Поэтика символических образов в марийской драматургии второй половины XX – начала XXI века: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2012. – 152 с.
2. Винелкин В. Образ «ветра» в поэтике Анны Ахматовой // Вопросы литературы. – 1995. – № 3. – С. 138–152.
3. Жолковский А. Поэзия и грамматика пастернаковского «Ветра» // Международный творческий ресурс «Подлинник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://podlinnik.org/russkiy-yazyk/lektsii-po-russkomu-yazyku/poeziya-i-grammatika-pasternakovskogo-vetra.html> (дата обращения 10.12.2020).
4. Касаткина В. Н. Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – 256 с.
5. Кожинов В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. – М.: Совет. Россия, 1976. – 88 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/koz/innov/vad/im/3.htm> (дата обращения 15.12.2020).
6. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. – М.: Знание, 1972. – 156с.
7. Эмыкан Н. Мый шошын ўдыржō улам: почеламут-влак (Я – дочь весны): стихотворения. – Йошкар-Ола, 2016. – 122 с.
8. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. – М. : Высш. школа, 1990. – 303 с.

РАУЖИНА А. М.

РЕЦЕПЦИЯ «ОНЕГИНСКОГО ТЕКСТА» В ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на русскую поэзию XIX столетия. В ходе исследования делается вывод о появлении в русской поэзии лиро-эпических жанров, ориентированных на «онегинский текст». Анализ поэтических текстов А. Лякиде, Д. Минаева, Трилунного показал, что авторы в своих произведениях чаще всего используют иронию, пародию, травестию. Отталкиваясь от классического образца, они создают перепевы, где знаковые образы и сюжеты демонстрируют авторского отношения к современной действительности и актуальным проблемам эпохи.

Ключевые слова: поэзия, А. С. Пушкин, «онегинский текст», лиро-эпос, рецепция, пародия, ирония, перепев.

RAUZHINA A. M.

RECEPTION OF THE "ONEGIN TEXT" IN THE POETRY OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article studies the influence of the poetic novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" on the Russian poetry of the XIX century. In the course of the study, a conclusion is made about the appearance in Russian poetry of lyric-epic genres oriented towards the "Onegin text". Analysis of the poetic texts by A. Lyakide, D. Minaev, Trilunny showed that the authors in their works most often use irony, parody, travesty. Starting from the classical model, they create rehash, where iconic images and plots demonstrate the author's attitude to contemporary reality and topical issues of the era.

Keywords: poetry, A. S. Pushkin, "Onegin text", lyro-epic, reception, parody, irony, rehash.

Жанр романа в стихах зарождается в английской литературе в начале XIX века. Его появление связано с творчеством Байрона и, в частности, с трудом его жизни – поэмой «Дон Жуаном». Новаторское слияние драматического и лирического, оформившееся в произведении английского классика, стало основанием для популярности жанра, что привело к его распространению «по всем европейским литературам» [4, с. 31]. Особенно привлекательным данный жанр стал и для А. С. Пушкина. Уже в 1823 году писатель начинает разрабатывать национальный вариант подобного лиро-эпического жанра. Создавая «шутливую пародию», как пишет сам автор в предисловии к восьмой главе «Евгения Онегина», он создает каноничный образец жанра романа в стихах.

Позднее, такие отличительные поэтологические особенности жанра, как стилевая непринужденность, композиционная стройность и универсальность, наличие лирических

отступлений становятся весьма привлекательными для многих поэтов XIX века, что создает почву для появления множества различных пародий и перепевов, а также использования ключевых деталей и имен главных героев в «продолжениях поневоле» [9, с. 9]. Один массив произведений достраивает сюжетную линию «Евгения Онегина», отправляя главного героя в территориально экзотические места, другой – воспроизводит дальнейшую повествовательную канву судьбы главного героя и даже его потомков. Если для В. Г. Белинского «роман без конца» стал явлением понятным: «довольно и этого знать, чтобы не захотеть больше ничего знать», то для последующих писателей – это стало средством ведения дискуссий и отображения социальных явлений времени через подобные жанровые формы. В творческой практике многих поэтов данный роман становится не полномасштабной «энциклопедией русской жизни», а чаще всего «мини-энциклопедией» современной действительности [1, с. 409].

Одной из первых серьезных попыток продолжения пушкинского романа в стихах стал «рассказ в стихах» А. Г. Лякидэ «Судьба лучшего человека» (1889), повествующий о конце жизни Евгения Онегина. Уставший от жизни главный герой, отправляется в путешествие в Сибирь. Автор изображает знакомство Онегина с девицей-кавалеристом, перешедшее в разговоры-суждения. Новые знакомые спорят о месте женщины в социальной иерархии, возможных интересах и женственности вообще, то есть автор поднимает вопросы, актуальные в то время, связанные с зарождением явления эмансипации в России:

Довольна жизнью я своей!

На что мне женственность? Бог с ней [9, с. 59].

Произведение Лякидэ концентрирует внимание не на событийности жизни героя, а на его мыслях и рассуждениях по поводу. Разговоры героев затрагивают поверхностные темы. Сюжет рассказа в стихах выстраивается с опорой на небольшой круг персонажей, в нем нет полномасштабных картин жизни, но существует отчётливая мотивировка поступков героев, что является определяющим для данного стихотворного рассказа.

Поэтический текст А. Г. Лякидэ, одним из первых показавший продолжение жизненного пути Евгения Онегина, отличается рядом несовершенств, отмеченных самим автором: растянута одна мысль на несколько четверостиший, синтаксические неточности. В. и А. Невскими данное предисловие отмечается как часть «литературной игры», когда текст схож с предисловием «От издателя» к «Повестям Ивана Петровича Белкина». [9, с. 9].

Значительным произведением в ряде переложений и перепевов пушкинского романа в стихах стал текст Д. Минаева «Евгений Онегин нашего времени» (1865). Первоисточник в данном случае стал основой для воплощения ключевых идей и мыслей шестидесятых годов

XIX века. Но, прежде всего, современниками в этом перепеве была увидена переключка с опубликованной в журнале «Русское слово» статьей Д.И. Писарева «Пушкин и Белинский», на что явно указывают прямые цитаты в тексте. Так, в первом варианте издания Д. Минаев подчеркивал: «наряжая и исправляя Е. Онегина по собственной мерке, эти критики, разумеется, договорились до карикатуры, что и хотел показать в предлагаемой поэме» [5, с. 455]. Именно потому положительное отношение перепева к первоисточнику «не вызывает сомнение и заложено в самом смысле» [4, с. 299]. Стоит отметить, что со времени публикации первых глав в 1865 году и до третьего издания отдельного романа в 1877 году, Д. Минаев расширяет замысел произведения. Целью становится не только защита первоисточника от критики Д. И. Писарева, но и изображение «нашего времени».

Онегин в тексте Минаева – сатирический портрет Базарова, которого Д. И. Писарев в своей статье приводит в пример как настоящего героя в настоящем романе:

*Онегин, добрый мой приятель,
Был по Базарову скроен:
Как тот, лягушек резал он,
Как тот, искусства порицатель,
Как тот, поэтов не ценил
И с аппетитом ел и пил* [9, с. 161].

Пушкинский иронический прием Д. Минаев доводит до сатиры, сохраняя при этом направленность на первоисточник. Оба Евгения выражают презрение к высшему свету, но если пушкинский герой делает такие выводы на основе собственного жизненного опыта, из принадлежности к соответствующему сословию, а значит и значительному пребыванию в нем, то минаевский герой строит подобные суждения, в сущности, не имея прямого отношения к высшему свету, а потому образ становится истинно смешным.

Сюжетные линии поэт-сатирик доводит до абсурдности: вызывающее поведение героя с высказыванием о том, что «Пушкин – идиот», сжигание книг, эгоистичность в реакции на письмо Татьяны. Онегин не в силах понять не только глубину чувств героини, но даже стиль ее письма. Он укоряет ее в излишней мечтательности и чувственности, выдуманной любви, не имеющей оснований, воспринимая все слова Татьяны в прямом смысле (так, автором используется прием реализации метафоры для достижения комического эффекта):

*Я к вам пишу – чего же боле?
(В любви признанье! вот те на!)
Теперь, я знаю, в вашей воле
Подумать, как смешна она.
(Еще бы! как еще смешна!)*

*Сначала я молчать хотела
(Недурно б было помолчать!),
Когда б надежду я имела
Хоть раз в неделю вас встречать,
Чтоб только слушать ваши речи...
(Вот любопытная черта:
Не раскрывал пред ней я рта
От первой до последней встречи.)* [9, с. 170].

Для создания комического эффекта автор использует прием комментирования, что в итоге служит средством раскрытия образа Онегина, его эгоистического отношения к людям. Гротеску подвергается и представленное общество: пушкинскому театру с прекрасной Истоминой и восхищающимися ею зрителями противопоставляется спящая публика и «бедные» актеры, стремящиеся хоть как-то помочь автору. Таким образом, поведение героя Пушкина объясняется устройством его собственного сознания и взглядов, а Онегин в перепеве лишь солидарен в оценке происходящего с обществом и с автором.

Анализируя оценку романа, данную В. Г. Белинским, Д. И. Писарев иронично отмечает: «...при сем удобном случае его (Онегина) бобровый воротник серебрится морозной пылью; и это достопамятное обстоятельство обладает удивительной способностью “делать поэтическими самые прозаические вещи”» [7, с. 308]. Д. Минаев реагирует на замечание, делая предметом описания еще более прозаические явления:

*Морозной пылью серебрится
Его густая борода.* [9, с.163].

Онегин-нигилист не создает ситуацию для дуэли, так как включение в произведение сцены гибели Ленского способствовало бы созданию фарса. Поэтому, сродни множеству героев антинигилистических произведений, главный герой уезжает в путешествие, заняв предварительно денег в долг. Неслучаен в перепеве и пропущенный эпизод длиной в год. Пушкинская Татьяна в это время для поддержания чувств неоднократно посещает кабинет Онегина, читает его книги, что, по мнению Д. И. Писарева, бесполезно: «Невозможно понять, зачем Пушкин навязал Татьяне все эти критические размышления и зачем он хочет нас уверить, что ей открылся мир иной <...> Для того, чтобы повиноваться мамаше в самых важных случаях жизни, не было ни малейшей надобности открывать новый мир» [7, с. 347]. Так, в ответ на суждение критика, в жизни минаевской героини нет подобного промежутка.

Д. Минаев создает необычный финал своего романа. В итоге главный герой становится прокурором, а Татьяна испытывает страсть к карточным играм, а затем и вовсе становится подсудимой по делу об отправлении мужа. Ее дело и рассматривает Онегин. Данные

стечения судеб во время господства «непоэтической эпохи» актуализируют пародийный характер сочинения Д. Минаева, показывают стремление не создания собственно романа в стихах, а памфлета, когда «Пушкин – уже не мишень, а оружие, которым поражают противника» [9, с. 10]. Используя ключевые моменты, образы, а также цельные фрагменты канонического произведения, сатирик отражает приметы эпохи и ее проблемы. В финале сатирик подводит итог своим поэтическим экспериментам, утверждая значимость классического романа:

*Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической проверке,
Перекроил по новой мерке
И перешил на новый лад.
Но я ли в этом виноват?
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была [9, с. 199].*

Особое место в ряду перепевов классического жанра занимает произведение Трилунного (Д. Ю. Струйского) «Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание» (1830), созданное еще до окончательной публикации оригинального текста.

Произведение представляет собой не столько дальнейшую судьбу главного героя или ее трансформацию, сколько «продолжение поневоле» с использованием в повествовании любовной истории известных пушкинских персонажей и некоторых прямых цитат. Дух перепева навеян грибоедовской пьесой: Онегин являет собой подобие Чацкого, избирающего для порицания пороки окружающих, круг действующих персонажей включает в себя Хлестову (свояченицу Фамусова), которая, среди большинства, мешает развернувшейся любовной интриге [6]. Но Трилунный не ставит перед собой задачу создать произведение, способное претендовать на статус самобытного художественного текста. Сочинение подобного плана – это следствие популярности романа А. С. Пушкина у современников. К тому же, автором дается определение не романа в стихах, а сценки из «комедии-водевиля».

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что роман в стихах А. С. Пушкина сыграл важную роль в развитии лиро-эпических жанров. Широкие

возможности избранной синтетической формы позволяют увеличивать границы изображаемого, охватывать большой пласт тем, отражать черты и проблемы своей эпохи. Несмотря на то, что литературная практика XIX века не смогла предложить подобного по масштабу и значимости поэтического текста, однако, созданные с «оглядкой» на пушкинский текст произведения, стали своеобразным орудием полемики по актуальным вопросам современности. Возникновение разного рода перепевов и сиквелов представляет собой поэтический диалог между классиком и последующими литературными эпохами. С каждым новым появлением перепева оригинальный текст только подтверждает свою актуальность и значимость для современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
2. Гудкова С. П. Судьба «онегинского текста» в современной поэзии // Пушкин и литературный процесс : материалы Межд. научн. конф. Псков, 2020. – С. 140–149.
3. Дмитриев В. Г. По стране литературы: этюды. М: Московский рабочий, 1987. – 236 с.
4. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. – Л. : Академия, 1978. – 421 с.
5. Минаев Д. Д. Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. И. Г. Ямпольского. – М. : Советский писатель, 1947. – 489 с.
6. Новиков В. И. Книга о пародии. – М. : Советский писатель, 1989. – 299 с..
7. Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. – М. : Гослитиздат, 1956. Т. 3: Статьи. 1864–1865.
8. Розанов И. Пушкин в поэзии его современников. – М. : Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 1025–1042.
9. Судьба Онегина / Сост., вступ. статья, комментарий В. и А. Невских. – М. : Ассоциация. Экост, 2001. – 544 с.